НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА

НЕСТРАШНЫЕ СНЫ

Наталья Колесова

Нестрашные сны

«Автор»
2020

Колесова Н. В.

Нестрашные сны / Н. В. Колесова — «Автор», 2020

Агата Мортимер - загадка для всего магического сообщества. У нее как будто нет способностей к волшебству, однако это не помешало девушке обезвредить полный магии Котел в центре столицы. Теперь Агату ждут в Институте магических феноменов, чтобы изучать и контролировать ее странный дар. Только хочет ли этого она сама? Вопросов становится все больше. Как Агата связана с Кобуци - мощнейшей магической аномалией, результатом неудачного эксперимента? Что за Пустыня преследует девушку во снах? Что это за сны, которые переносят Агату и ее друзей на многие километры от столицы? И как быть, когда ты совершенно не нравишься тому, кого любишь?

© Колесова Н. В., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава 1 6
Парк запутанных дорожек 6
Глава 2 11
Новая метла 11
Глава 3 18
Прогулка. Больше чем секс 18
Глава 4 22
Лаборатория сна. Алая арка 25
Глава 7 32
Глава 8 36
Глава 9 41
Глава 10 44
Глава 11 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Наталья Колесова
Нестрашные сны

А знаешь, там не страшно, я думаю — не страшно,
Но как быть может страшно в стране наших снов?
Д. Майданов

Я ползу по коридору на четвереньках. Или это называется — иду? Двигаюсь… Коридор освещенный, длинный. Пустой. Если опустить голову, видно, какая за мной остается широкая красная полоса. Не знала, что в человеке так много крови. Руки начинают сильно дрожать в локтях и запястьях, а колени переставляются все тяжелее, точно их оттягивают назад на резинке. Наверное, легче ползти. Я ложусь и понимаю, что это плохая идея: пол гладкий, скользкий, пальцам не за что уцепиться. А, может, попробовать двигаться на спине, просто отталкиваясь ногами? Побарахтавшись, как черепашка с расколотым панцирем — садисты-мальчишки в детстве разбивали его камнями — переворачиваюсь и смотрю в потолок. Потолок ведет себя очень странно: он то нависает над самым моим лицом, то уплывает куда-то высоко, прямо в небо, то раскачивается из стороны в сторону, как маятник… Может, землетрясение началось?

Я поворачиваю голову, прижимаясь щекой к холодному камню. Окна в коридоре большие, но выходят они на «глухую» стену соседнего здания, и с пола видно только эту стену и небо. Серое небо. Вечер? Утро? Просто плохая погода? Наверное, все-таки вечер, потому что в институте никого…

Институт! Сама не знаю, почему это слово меня беспокоит. Слово как слово. Но есть в нем что-то такое, что заставляет меня ползти вперед. Выбираться… надо выбраться, пока никто не пришел. Не нашел меня.

Никто меня не ищет! Защипало глаза и щеки — слезы, внезапные, горячие, соленые. Никому я не нужна. Ни-ко-му. Совсем. Кроме… Я пытаюсь поднять голову — аж шея дрожит от усилия. Не получается. Тогда я скашиваю взгляд на ноги. Назад. В том конце коридора темно и пусто. Никто не идет по моему следу. Но это ненадолго.

Надо выбираться. Я запрокидываю голову: впереди лестничная площадка, а за ней точно такой же коридор. Может, я сумею съехать вниз по перилам? Только вот не знаю, куда я… приеду.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИНСТИТУТ МАГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

День подходит к итогу. Послушай:
Сон котенком крадется по крыше,
Синеокий чернильный котенок
Скоро станет матерым котом.
Изловчится, на форточку вспрыгнет,
Тенью в ноги к тебе заберется,
И свернется клубочком, прогонит
сны дурные и недобрых людей.

Н.Караванова

Глава 1

Парк запутанных дорожек

Агата очень боялась идти к Димитрову в больницу. Даже позвонить не решалась. Сначала хотела навестить Максима, своего телохранителя, но и Келдыш и бабушка, как сговорившись, запретили это делать. Агата поняла, что не очень-то он хочет ее видеть. А вдруг и Славян тоже? Хотя это смешно, они же с ребятами его вылечили! Но ведь в больницу он попал именно из-за нее. И неизвестно, вернется ли к нему огненная магия. А если — она вспоминала рассказ Келдыша о детях, которых родители после войны водили к Слухачам — его тоже «выпили досуха»? Лучше, конечно, было заявиться к Димитрову всей толпой. Но у интернатовцев (всех, кроме нее) помимо обычных школьных начались еще и экзамены по магии, и Божевич решительно запретил выходы в город, особенно одной сумасшедшей компании. Это не она, это директор так их назвал.

В общем, Агата все раздумывала и колебалась — пока не явился Келдыш и не предложил сопроводить ее в больницу. Она не сумела придумать уважительную отговорку и теперь плелась рядом с ним по больничному парку. Где-то здесь со Славяном гуляет мама Димитрова. Агата надеялась их просто не найти — ведь парк такой большой! — но чтобы Ловец кого-то не нашел…

— Вон они, — Игорь показал на женщину, катившую по аллее инвалидную коляску.

Агата испугалась:

— Он что, не может ходить?

— Просто еще слишком слаб. Добрый день!

Димитрова вскинула руку, заслоняя глаза от солнца, и заулыбалась:

— О, Игорь, вы снова пришли? Здравствуйте-здравствуйте!

Агата вопросительно поглядела на Келдыша:

— Снова?

— Я тут бываю. Иногда, — бросил тот на ходу.

— И Агата тоже! — продолжала мама Славяна напряженно-оживленным голосом. — А мы уж думаем: что-то нас одноклассники не навещают?

— Экзамены, — виновато пробормотала Агата.

Келдыш подошел первым, пожал руку Димитрову.

— Здравствуйте, Славян. Я принес тренажеры для рук. Оставил в вашей палате.

Он со всеми на «вы». Даже с маленьким Зигфридом-Водяным.

— А как…

— Там есть инструкция, но первое время может понадобиться чья-то помощь.

— Сам справлюсь!

Знакомые агрессивные интонации в хриплом голосе. Агата слегка взбодрилась: может, все не так уж страшно? Увидела темную кудрявую макушку Славяна — он пытался выглянуть из-за спинки кресла.

— Мориарти?

— Да, — Агата подошла и пробормотала неловко: — Привет, Слав.

— Привет.

Выглядел парень нормально. Ну, почти нормально — если не обращать внимания на теплый больничный халат, бледное лицо и бледные губы. Руки расслабленно лежали на подлокотниках. Димитров сощурился на нее, опять сказал:

— Привет.

Агата покосилась на взрослых: отойдя в сторону, те что-то тихо обсуждали.

— Ну ты… как?

— Нормально. А ты?

— Нормально.

Он помолчал.

— Совсем-совсем нормально?

— Ну… да.

— Подойди ближе! — скомандовал он. — Я тебя вижу плохо.

Агата и без того заметила, что он щурится и наклоняет голову то так, то эдак, точно пытаясь получше рассмотреть ее. Шагнула ближе. Носки кроссовок уперлись в колесо коляски.

— Ага, — теперь Димитров смотрел на нее снизу. Глаза темные-темные. Напряженные. — Я когда… проснулся… стал хуже видеть и слышать. Все вокруг какое-то… не такое.

Агата промолчала. Кажется, поняла: Славян видит и слышит теперь, как обычный человек. Просто человек. Как она сама.

Не маг.

Запаниковав, Агата оглянулась. Келдыш наблюдал за ними поверх кудрявой головы Димитровой.

— Наши передают тебе привет. Пока экзамены и Божевич не выпускает, но они придумают, как выбраться. Вот.

Протянула пакет с конфетами и журналами. Пальцы Славяна дернулись и замерли.

— Положь куда-нибудь, — скомандовал он со злостью.

Агата торопливо пристроила пакет ему на колени. Димитров сказал в ее склоненный затылок:

— Говорят, это ты меня вылечила?

— Нет. Все мы. И еще, — она махнула рукой в сторону, — Келдыш.

— Ты мне снишься.

— Правда? — Агата почувствовала, что краснеет.

— Каждую ночь. — Славян подумал и добавил: — И день. Всегда, когда засыпаю. Как он подходит к тебе… — Агата поняла сразу — Инквизитор. — А ты говоришь ему — возьми всё… Страшно.

В их полку прибыло — вот еще один с ночными кошмарами! Агата кивнула.

— Игорю Инквизитор тоже снится. И мне. Стефи говорит, я иногда кричу по ночам.

Димитров наблюдал за ней темными неподвижными глазами.

— Не он страшный. Ты.

Славян как будто ее ударил — она даже сделала шаг назад.

— Все нормально? — спросил Келдыш за ее спиной, Агата и не заметила, когда он успел подойти. Димитров сказал устало:

— Я лечь хочу.

Его мама сразу захлопотала, поправляя плед у него на коленях, разворачивая коляску.

— Хватит на сегодня, нагулялись, поехали в палату. Спасибо, что забежали, Игорь, Агата. Приходите еще!

Никогда. Никогда больше.

Агата не стала смотреть, как они уезжают. Повернулась и пошла в противоположную сторону. Двое долго молча шагали по запутанным бесконечным дорожкам — Агата начала подозревать, что волшебники что-то сделали здесь с пространством. И со временем — они неожиданно вышли в осень.

— Посидим? — Келдыш смахнул желтые листья со скамейки, уселся, вытянув ноги. Агата присела на край и отвернулась. Не хотела говорить о Славяне. Она даже не знала, что сказать остальным. Пусть сами теперь к нему приходят.

— Хотите?

Келдыш протягивал половину шоколадки. Вторую жевал сам. Наверно, приносил Димитрову, а отдать забыл.

— Спасибо.

Агата подержала плитку в руках и все-таки откусила. Горький…

— Мортимер.

Почему-то он всегда обращается по фамилии, когда они остаются одни. Или ему очень не нравится имя Агата или он таким образом напоминает ей, что возится с ней исключительно как куратор Службы Контроля над Магией.

Да и себе, наверное, — тоже.

— Помните, как вы себя чувствовали, когда я водил вас к Слухачу?

Агата упорно жевала шоколад. Еще бы не помнить!

— А теперь умножьте все это на тысячу. Его сейчас просто раздирают злость, страх… отчаянье. Бессилие.

Ее они тоже сейчас раздирают. На мелкие клочочки.

— Он расстроился, что я себя хорошо чувствую! — пожаловалась Агата.

— Нормальная человеческая реакция — когда тебе плохо, то и целому миру тоже должно быть плохо.

— Значит, я не человек, — буркнула она. — Или не нормальная.

— Да уж, — согласился Келдыш. — С нормальностью у вас, действительно, наблюдается некоторая напряженка.

Агата покосилась. Он улыбался.

Наверное, помогла шоколадка. Или то, что Келдыш в трех словах объяснил поведение Димитрова. Обида и вина все равно вернутся — она долго будет переживать-пережевывать-обдумывать ночами. Но сейчас ей стало легче. Агата огляделась. Ярко-голубое сентябрьское небо. Желтые, точно светящиеся, листья на деревьях. Разноцветная листва под ногами.

— Красиво как…

Келдыш посмотрел вправо-влево, точно впервые заметил, где они находятся. Поднялся.

— Красиво. Но давайте-ка вернемся в лето.

— А если посетители *не* волшебники? — спросила Агата, когда они возвращались — до ворот и лета, оказывается, было рукой подать. Келдыш ответил прежде, чем она закончила вопрос:

— Для них это просто небольшой больничный парк.

— А если долго ходить по дорожкам, то можно выйти и в зиму?

— Не советую, — сказал Келдыш, не глядя на нее. — Холодно.

— Но в принципе, можно?

— В принципе… В принципе, когда я здесь лежал, для меня на любой аллее была зима.

Агата сразу умолкла. Она никогда не лечилась в подобной клинике — магия, как выяснилось, не может принести ей вреда. Даже после… Инквизитора ей достались одни кошмары. А Игорь вон до сих пор ходит к целителям.

Келдыш привычно оглядел улицу, прежде чем выпустить ее за ворота. Сказал неожиданно:

— Но гораздо хуже попасть в Пустыню.

— Пустыню?

— Многие не возвращаются.

— Как это?

Игорь пожал плечами. Ему, наверное, до смерти надоело рассказывать общеизвестные (волшебникам) вещи. Агата нахохлилась. Наверное, она никогда не станет «своей», потому что родилась и выросла обычным человеком и практически ничего не знает. Да и родители у нее те еще…

Если хорошенько посчитать, то Келдыш сам ей в отцы годится. Перед войной он заканчивал Академию, а она только родилась. Ну, не только, наверное, ей было года два уже. В Академии учатся пять лет, а поступают… поступают по-разному.

— А вы во сколько лет начали учиться в Академии Магии?

Келдыш помолчал — наверное, пытался сообразить, зачем ей это надо. Сказал наконец:

— Не беспокойтесь, времени у вас больше чем достаточно.

Решил, она расстраивается, что поздно начала учиться! Ну что она за человек, нет бы просто спросить, а она боится: а вдруг он подумает, что она подумала… Вдруг догадается, что она пытается понять — может ли взрослый мужчина обратить внимание на девушку… такого безнадежно школьного возраста.

Не мог он быть ее отцом! Бабушка говорит, волшебники могут зачать детей только к тридцати годам: «Если природа дает что-то одной рукой, другой она обязательно отнимает». И детей у магов мало — двое большая редкость. Если б в обычных семьях не рождались дети с МээС, волшебники давно бы вымерли. Агата подумала вдруг, что все еще не относит себя к магам. И видит, и слышит… и чувствует, как обычный человек.

Это хорошо или плохо?

Стефи, выслушав рассказ о посещении Димитрова, промолвила непривычно задумчиво:

— Я пыталась представить, как это — взять и остаться без магии? Не понимаю, как без нее вообще можно обходиться!

А она вот обходилась себе преспокойненько, да и продолжает — большую часть времени — и не представляет, как же ей теперь с магией *жить*.

— Думаешь, магия к нему не вернется? А не было случаев, когда… — Агата затихла под снисходительным, каким-то… взрослым взглядом Стефани. Так смотрят на малыша, толкующего про фею, которая ему привиделась ночью: мол, вырастешь, сам поймешь, что фей не бывает! Непонятно, кому сочувствовала Стефи — то ли бедняге Димитрову, то ли самой Агате — но прозвучало это с жалостью:

— Нет, Агат, не бывает такого. Это же Главный Инквизитор!

Агата полдня нерешительно посматривала на телефон: Келдыш после… Андрэ подарил ей сотовый с тревожной кнопкой, наказав везде носить с собой. Мобильник был таким навороченным, что она до сих пор и половины функций не освоила. Позвонить Игорю, спросить — а правда ли магия к Славяну не вернется? Нет, наверное, нужно все-таки поменьше «грузить» своего куратора.

И только по делу.

А не вечными своими сомнениями и страхами.

Ночью, наверно, для разнообразия, ей приснился не Инквизитор — пустыня. Не привычно желтая, не красная и не белая, какого-то странного темно-болотного цвета. Низко над головой — можно рукой достать — клубились багровые тучи, словно кто-то постоянно перемешивал их гигантской ложкой. К горизонту тучи темнели и становились почти черными.

Агата спустилась-соскользнула вниз с бархана — следов на песке не оставалось. Вокруг были такие же застывшие волны-барханы, ни единого растения, ни одного человека. Оставалось только идти к горизонту, где появилась белая ослепительная полоса, похожая на трещину. Она расширялась и расширялась, как будто кто-то рвал ткань воздуха по границе песка и неба…

Проснувшись, Агата почему-то твердо знала — это и есть Пустыня, из которой не возвращаются.

Глава 2

Новая метла

— Эй, Агата! Мориарти!

Она понемногу привыкала — правда, еще через раз — реагировать на вольный вариант своей фамилии.

— Директор сказал к нему идти!

Агата захлопнула книгу.

— А зачем?

Нашедший ее в парке второкурсник пожал плечами.

— Да там какой-то мужик пришел…

Еще один целитель с еще одним не заданным вопросом?

После того, как они «вытащили» Славяна, их еще целый месяц расспрашивали, расспрашивали и расспрашивали — каждого по отдельности и всех вместе. Заставляли вспоминать, кто где стоял (до миллиметра), кто что говорил, кто что делал (вплоть до вдоха-выдоха), кто о чем думал, кто что чувствовал… Среди менявшихся целителей постоянно присутствовал один и тот же человек, которого Агата видела в доме Келдыша после смерти Инквизитора. Работник СКМ. Конечно, этой службе надо все держать под контролем — а то начнет еще кто попало исцелять казненных! Поначалу интернатовцы охотно расписывали как всё было, потом устали в сотый раз пересказывать одно и то же. «Как же тяжело быть знаменитостью!» — вздыхал Зигфрид. Потом начались экзамены, и Божевич настоял, чтобы его подопечных хотя бы на время оставили в покое.

Агата шагнула через порог директорского кабинета, увидела хмурого Келдыша, нервничающего Божевича — и у нее подкосились ноги. Это было так похоже на…

— Что-то с бабушкой?!

— Что? — Келдыш поднялся. — Да что же вы все время на меня так реагируете-то?! Все в порядке с вашей бабушкой!

Агата пару раз вдохнула-выдохнула и жалко пробормотала:

— Здравствуйте, извините. Я просто подумала…

— Что я принес вам еще одну… гадостную весть? Ну в общем, где-то вы правы, конечно.

— Тебя вызывают в СКМ, — похоронным голосом объявил Божевич.

— Да? — сказала Агата через паузу, потому что от нее явно ждали какой-то реакции. — А зачем?

— Насколько я понимаю, — сказал Келдыш, — для еще одной очень долгой, нудной и поучительной беседы. Я обещал мадам Мортимер вас отвезти… кажется, я постепенно превращаюсь в личного водителя? Как куратор обязан вас проинструктировать, чтобы в СКМ вы не ковырялись в носу и вообще вели себя прилично.

Агата через силу улыбнулась.

— Ну тогда… поехали? Или, может, мне надо переодеться?

— Едем как есть, вы и так прекрасны!

Она все-таки успела бросить взгляд в зеркало — да уж, прекрасна! Джинсы, майка, волосы торчат во все стороны, лицо бледное, глаза все еще перепуганные… Наверное, неприлично в такое солидное заведение, Службу Контроля над Магией (вон, как мужчины озабочены!) являться в виде несчастной сиротки Марыси?

Агата еще ни разу не была в здании СКМ. С любопытством крутила головой, читая загорающиеся при приближении таблички на дверях. Встречные здоровались с Келдышем, тот отвечал кратко, не останавливаясь и не улыбаясь. Вообще, куратор был сегодня не в настроении: молчал, словно сосредоточенно обдумывал что-то.

— А бабушка тоже туда придет?

— Да.

— А какие вопросы будут задавать?

— Думаю, несложные.

— А для чего все это нужно?

Келдыш промолчал. Агата попыталась снова:

— Мы ведь к Шрюдеру идем, да?

Игорь вздохнул, с силой потер шею, точно она у него болела, и замедлил шаг.

— Мортимер… — глядел он как-то озабоченно. — Шрюдер больше не возглавляет СКМ.

— Правда?

— Он сейчас передает дела новому начальнику. Констанц вас и вызвал. Я не располагаю подробными сведениями, и не знаю, чего от него можно ожидать. Но ходят слухи… хотя при смене руководства всегда ходят разные слухи, сами знаете: новая метла и так далее...

Агата не знала, что «и так далее», но все же понимающе кивнула.

— Возможно, ничего страшного в этом нет, — продолжал Келдыш, — но настораживает, что он сходу занялся вами. Поначалу все на новых должностях страдают излишним служебным рвением, как бы не наворотил дел…

— Каких?

— Разнообразных. Я буду рядом. Вы разрешите мне?.. — он поднял руку с крисом. Агата неуверенно кивнула, и Игорь утешил: — Только когда понадобится вам что-нибудь подсказать. *Если* понадобится.

Она прочитает его мысли-подсказки, но ведь и он может услышать ее. Ну и что? Она же не будет думать ничего такого… Да вообще не будет думать!

Келдыш остановился. Рассеянно поглядел в окно.

— Хотя, возможно, все это только бред моего больного воображения. Идемте.

Открыл перед ней дверь со странной табличкой: потекшей. Словно оплавленная.

Бабушка и Шрюдер уже были здесь. За длинным столом сидела еще какая-то женщина, постукивавшая ручкой по раскрытому блокноту. Уставилась на вошедших. Ручка зависла в воздухе.

— Добрый день, — сказали от окна. — Проходите, присаживайтесь.

Келдыш и Шрюдер пожали друг другу руки, Агата чмокнула бабушку в щеку. Вдвоем с куратором уселись в торце стола. Агата почувствовала быстрое легкое прикосновение — похоже, Игорь примеривался, сможет ли в любой момент дотронуться до ее руки. Щурясь, она разглядывала приближавшегося мужчину: широкий, в темном, похожем на военную форму, костюме. Тот сел за стол, положил перед собой аккуратную стопку листков, выровнял ее ладонями и оглядел всех. Пепельные волосы коротко подстрижены, глаза синие, очень спокойные — такие называют непроницаемыми.

— Еще раз добрый день, — сказал ровно. — Разрешите представиться.

А если не разрешать? Хотя такому вряд ли что не разрешишь.

— Валентин Констанц, исполняющий обязанности начальника СКМ.

Он отложил один листок. Наверное, записал все по порядку, как на карточках для запоминания иностранных слов: лист первый — поздороваться, лист второй — представиться. Чтобы не улыбнуться, Агата посмотрела на остальных. Бабушка глядела на Констанца, поджав губы. Шрюдер подпер щеку кулаком и даже, кажется, не моргал, словно боялся пропустить что-то интересное. Келдыш внимательно рассматривал потолок. Женщина, встретившись глазами

с Агатой, как-то странно дернулась, опустила взгляд и чиркнула в своем блокноте — галочку поставила, что ли?

— Всем вам известен инцидент, произошедший некоторое время назад. Меня не могло не заинтересовать одно из центральных действующих лиц. Которое, к тому же, еще и носит столь знаменитую фамилию.

Это он о ней так… витиевато?

— Спасибо прежнему руководителю СКМ: все обследования, доклады, отчеты и предварительные выводы по Агате Мортимер собраны и систематизированы.

Интересно, что там за выводы? Агата вытянула шею, хотя с ее места и с ее зрением ничего, конечно, не увидишь. Может, попросить у Шрюдера взглянуть одним глазком? Или теперь надо просить уже Констанца?

Валентин тем временем взял третий листок.

— Меня заинтересовала записка, в которой были предложены вполне разумные, на мой взгляд, меры по обеспечению безопасности и наилучшего развития объекта. Автор настаивал на том, чтобы ему разрешили занять должность куратора при Агате Мортимер.

Все дружно взглянули на Келдыша: тот по-прежнему смотрел в потолок. Констанц отложил лист во вторую стопку. Выровнял и ее.

— Эта записка датирована числом четырехмесячной давности. Мне непонятно, почему до сих пор не предприняты предложенные меры.

Он глянул в сторону, вернее, *поверх* Шрюдера. Тот отозвался, не меняя позы — из-за этого его слова были не очень внятными:

— Предприняты, предприняты: прикреплен куратор, Агата проходит обучение в специнтернате…

— Этого явно недостаточно, — Констанц посмотрел на следующий лист. — Обратите внимание, что произошло за эти несколько месяцев: нападение на Ловца, похищение девочки, разрушение Котла, смерть Инквизитора. И еще — конечно, не столь масштабный, но все же достаточно неприятный для всех эпизод — столкновение с членами Сообщества. Вы потеряли контроль. — Констанц повернулся к Игорю: — Вы тоже.

Келдыш чуть-чуть склонил голову — то ли соглашаясь, то ли желая что-то получше разглядеть на потолке. Агата на всякий случай посмотрела тоже: потолок как потолок, никаких тебе огненных письмен и падающих звезд. От СКМ она ожидала большего. Даже скучно как-то. Если б сюда вошел обычный человек, он бы и не понял, где находится. Или такого впечатления и добивались?

— И еще, — Констанц постучал пальцем по следующему листку. — Меня совершенно не удовлетворяет поставленный диагноз.

Бабушка продолжала пристально смотреть на Констанца. Не смотреть даже — *взирать*.

— Я и не знала, — произнесла ледяным тоном, — что моя внучка страдает каким-то редким заболеванием. Просветите же нас!

Валентин легонько кашлянул.

— Вероятно, я неудачно сформулировал свою мысль, мадам. Я имел в виду исключительно классификацию магии, которой обладает ваша внучка.

Сказал бы уже честно — НЕ обладает!

— Но-о, — начал Шрюдер, — ведь Андрэ же говорил…

И вдруг умолк.

— Вот именно, — невыразительно подтвердил Констанц. — Андрей Дорэ. Преступник. Маньяк. И вы до сих пор продолжаете его заключению верить? Странно, очень странно…

Агата поглядела на бабушку. Что такое? Она уже немного привыкла к своей «мерцающей» магии — хоть какое-то объяснение всему тому, что с ней творится.

— А как бы вы сами классифицировали эту магию? — неожиданно спросил Келдыш. Он бросил изучать потолок — наверное, успел уже сосчитать на нем каждую трещинку и каждое пятнышко — и соизволил, наконец, обратить внимание на свое новое начальство. Констанц, не поднимая глаз от «карточек», повел в его сторону мощным подбородком.

— Именно это нам и предстоит выяснить. Проведя анализ собранных данных, я пришел к выводу, что объект все-таки в состоянии контролировать свою силу — в чрезвычайных ситуациях. Как то: столкновение с вампирской порослью, столкновение с Инквизитором, излечение сокурсника…

— В последнем случае была задействована не только магия Мортимер, но и еще пятерых человек, — перебил Игорь. — Моя, в том числе.

Констанц опять мотнул подбородком. На этот раз недовольно.

— Благодарю за уточнение, ловец Келдыш, но мне бы хотелось, чтобы вы соблюдали субординацию и отвечали только тогда, когда вам задают вопросы…

— Но вы же никого ни о чем не спрашиваете! — вырвалось у Агаты.

Валентин помолчал, думая, наверно, как призвать к дисциплине и ее. Не придумал — продолжил, словно его никто не прерывал:

— То, что куратор *самолично*, не поставив в известность вышестоящее командование (он так и сказал — *командование*! — и правда бывший военный), принял участие в неотработанном и, возможно, опасном для жизни детей, так называемом лечении, только доказывает мою мысль: вы все утратили КОНТРОЛЬ.

Констанц обвел провинившихся бесстрастным взглядом и вновь отложил листок.

Наверное, самое худшее в Службе Контроля над Магией — утратить этот самый контроль. Но как можно проконтролировать то, чего попросту нет? Или не существует большую часть времени?

— А какие, какие у тебя предложения, Валентин? — точно услышал ее мысли Шрюдер.

— Большинство предложений, изложенных… — Констанц постучал пальцем по меньшей стопочке листков, — представляются мне вполне разумными. Я согласен и с рекомендациями комиссии. Девочку необходимо тщательно обследовать.

— Чем мы и занимаемся!

— Не то. Все эти замеры и обследования после исчезновения магии, так сказать «постфактум», совершенно бессмысленны. Я хочу представить вам доктора наук Нону Осипенко, сотрудника Института Магических Феноменов.

Женщина захлопнула блокнотик и кивнула. Сказала, глядя главным образом на Лидию:

— Очень рада с вами познакомиться. Последние три года я возглавляю лабораторию по изучению магических феноменов…

— Как то?.. — спросил подавшийся вперед Келдыш. К Ноне он проявил гораздо больший интерес, чем к собственному… командованию.

Агата поправила очки — «навела резкость», как говорит Стефи. Светлые волосы подстрижены шапочкой, глаза тоже светлые, большие, но красивыми почему-то не кажутся. Она заметила привычку Осипенко после каждой фразы поджимать губы, словно ставить таким образом точку. Белая рубашка, очень длинные ногти, покрытые аккуратным бежевым лаком. Агата поглядела на свои и поспешно сжала пальцы в кулаки. А потом и вовсе спрятала под стол. Сегодня же обработает и накрасит, у Стефи этих лаков полтумбочки. Если не забудет, конечно.

Осипенко не стала одергивать Игоря, как Констанц, отвечала охотно:

— Могу перечислить самые интересные случаи, с которыми мне довелось работать…

Может, они и были интересными, только Агата ничего в них не понимала. Не то, что остальные: все слушали внимательно, Шрюдер и кивал еще.

— …вампир, искусственно инициированный в Научно-исследовательском Центре Экспериментальной Магии в провинции Кобуци…

Агата даже вздрогнула:

— Анжелика?

Женщина тут же умолкла, уставившись на нее, словно ожидая продолжения. Агата нервно ей улыбнулась. Осипенко вновь посмотрела на бабушку.

— Как видите, нам уже приходилось сталкиваться с различными сложными случаями, но я счастлива и горда оказанным мне сейчас доверием. Для меня будет большим удовольствием сотрудничать с вами, Лидия Аркадьевна.

Агате эти слова показались какими-то неправильными… фальшивыми. Но остальным понравилось, вон даже бабушка кивнула благосклонно.

— Мы можем ознакомиться с вашей методикой и планом исследований?

— О, разумеется! Но сначала я хотела бы поближе познакомиться с Агатой. Вы согласны?

Хочет познакомиться с ней, а спрашивает почему-то бабушку… Лидия вновь кивнула и вопросительно посмотрела на Игоря.

— Прежде чем вымогать разрешение, не лучше сначала обнародовать ваши методы? — его голос прозвучал так резко и неожиданно среди этого всеобщего согласия, что все растерялись. Осипенко — тоже. Обернулась к начальнику.

Тот произнес ровно:

— А вашего разрешения и не требуется, Ловец. Достаточно согласия законного опекуна, Лидии Мортимер. Вы как сотрудник СКМ подчиняетесь приказам. Тем более что я сомневаюсь в целесообразности вашего дальнейшего пребывания в должности куратора.

— Вернулись к нашим баранам, — пробормотал Келдыш. — Или ослам?

— Вы можете спросить меня об основаниях. Я их перечислю. Первое — незаконное и несанкционированное посещение Слухача. Второе — неполный и несвоевременный доклад о вердикте. Основание третье — вы позволили объекту прыгнуть в Котел.

— Где-то я это уже слышал…

— Как вы — маг высшей категории, молодой, тренированный мужчина — не смогли совладать с девочкой, не имеющей на тот момент никакой магической силы?!

— Значит, нападения на Инквизитора мне пока не инкриминируют? И на том спасибо.

— Оставьте свои иронические замечания при себе, Ловец!

Агата занервничала. Одно дело, когда Келдыш хотел отказаться от кураторства сам, другое — когда его наказывают непонятно за какие провинности. Интересно, как бы он сумел удержать ее на краю Котла? За ногу схватил бы, что ли?

Агата осторожно потрясла поднятой рукой — точно просилась отвечать к доске.

— Извините, пожалуйста, а почему всё решают за меня?

Констанц посмотрел с удивлением, как будто не ожидал, что она вообще умеет говорить. Осипенко тут же нацелилась ручкой в блокнот: собралась конспектировать ее слова, что ли?

— Потому что ты еще несовершеннолетняя…

— У меня паспорт есть!

— …и за тебя пока что отвечают взрослые.

— То есть я могу уже устраиваться на работу, меня могут судить за какое-нибудь преступление — а советоваться со мной насчет меня же совсем необязательно?

Агата с ужасом услышала, как начинает дрожать ее голос — скажут, маленькая девочка, ты расплачься еще! Но если она сейчас остановится, все будет кончено: Келдыша уволят, а ее отправят к этой… научной тетке.

— Сначала, не спросясь, мне навязали куратора, теперь, не спросясь, его убирают… А, может, я вообще не хочу никаких ваших обследований и экспериментов?

— Девочка, — сказал Констанц равнодушно, — это — вопрос безопасности не только волшебного сообщества. Если ты не захочешь сотрудничать добровольно, тебя заставят.

Агата выпятила нижнюю губу:

— А вы попробуйте, заставьте!

Бабушка шевельнулась, но ничего не сказала. Агата старалась вообще на нее не смотреть. Почувствовала прикосновение к своему локтю: *спасибо*, сказал Келдыш, *но угомонитесь уже, хватит*. Она глянула через плечо. У Игоря смеялись глаза. Отворачиваясь, перехватила цепкий взгляд Осипенко — та внимательно наблюдала за ними. Пометила что-то в своем блокноте и предложила Констанцу:

— Если для Агаты это так важно, может, примем компромиссное решение?

— То есть?

— Оставим — на соответствующих условиях — прежнего куратора, а Агата взамен обещает не препятствовать нашим обследованиям и экспериментам.

Ее губы сжались — точка.

Валентин выровнял обе стопки бумаг. Сказал, помолчав:

— Но только до первого нарушения, Ловец! Я знаю, что вы еще не в состоянии полноценно заниматься оперативной работой, но с написанием отчетов — без умалчиваний! — вполне справитесь. Итак? Агата?

Теперь все смотрели на нее. Глаза Келдыша больше не смеялись, но он не делал ей никаких подсказок — лишь исподлобья смотрел на невозмутимого Констанца. Агата медленно соображала: кажется, или она только что сама себя загнала в ловушку? Вот это и называется компромиссом? Больше похоже на шантаж! Ну ладно, потерпеть несколько месяцев, а там совершеннолетие, можно сделать всем ручкой…

Она медленно кивнула, и Осипенко громко захлопнула блокнот — точно поймала в него доверчивую муху по имени Агата.

— Хотелось бы приступить к работе как можно скорее!

А она так совершенно не торопится…

— Да, но не в ущерб же образованию! — возразила бабушка. — В школе сейчас начинаются годовые экзамены. Давайте подождем летних каникул.

— Час в день с обязательной доставкой транспортом туда-обратно, — быстро сказала Осипенко. — Пока этого вполне достаточно.

— Ну что ж… хорошо, договорились, — опершись рукой о стол, бабушка встала. Мужчины поднялись тоже.

— Всего хорошего, я тут еще немного задержусь, — Шрюдер по привычке сам проводил их до двери. Новый начальник тем временем собирал свои «памятки». В первой стопке оставалось еще много листков — интересно, что же там было?

Осипенко смотрела на них.

На Агату.

Лидии, идущей по коридору, встречные без раздумий уступали дорогу. Надо и ей тоже как-то вырабатывать такую походку, а то все смотрят сквозь. Хорошо еще, не пытаются усесться на стул, на котором она уже сидит.

Трое вышли из здания. Келдыш неожиданно отстранил Агату и шагнул к бабушке:

— Но вы-то, официальный опекун, почему молчали?!

Агата опешила. Лидия тоже.

— В чем дело, Ловец? По-моему, все разрешилось к вашему благополучию. Скажите спасибо моей внучке.

Келдыш не то удивился, не то не поверил:

— Вы что, не поняли? В самом деле не поняли?

— Что именно я должна была понять?

— Что говорил Констанц и эта… — Игорь подавился каким-то словом. Явно ругательным. — «Все обследования проводились *после* случившегося»! Чтобы добиться возвращения

магии, они собираются проводить эксперименты, которые будут угрожать здоровью — а то и жизни — вашей внучки!

Пауза. Агата испуганно переводила взгляд с него на бабушку. Лидия начала качать головой:

— Параноик. Вы все-таки параноик, Келдыш. Вас постоянно кидает из крайности в крайность.

— Неужели?

— Не вздумайте где-нибудь еще озвучить эти ваши домыслы. Не надо никого раздражать. Они и так могут в любой момент отобрать ее, не понимаю, почему до сих пор этого не сделали.

— Не кокетничайте! — сквозь зубы сказал Келдыш, открывая перед ней дверцу машины. — Всё вы прекрасно понимаете — из-за вас.

Агата залезла на заднее сиденье, оглядела салон. Для такой крутой организации машины тоже какие-то… Келдыш перехватил ее взгляд.

— Неказистый внешний вид часто скрывает большие возможности.

— Прямо как у меня, — пробормотала Агата. Сказала бабушке в спину: — Мне эта Осипенко тоже не понравилась.

— Привыкай, в жизни будут встречаться не только приятные люди. Надо учиться налаживать отношения и с ними.

Келдыш закатил глаза, и машина тронулась.

— Интернат, — объявил водитель.

— Не забудь, у тебя завтра алгебра, — напутствовала бабушка. — Повтори формулы и ляг пораньше, выспись хорошенько.

— Угу.

Келдыш придерживал для Агаты дверь машины. Наконец-то решившись, она, вылезая, дотронулась до его руки с крисом. Игорь дернулся, отстранившись.

Последняя ночь полнолуния, вы придете?

— До свидания, — вежливо сказал Келдыш.

Не ответил. Не придет… он не придет… он не хочет…

Быстрое касание — словно вдогонку, словно Игорь резко передумал.

Приду.

Глава 3

Прогулка. Больше чем секс

Агата несколько раз честно пыталась сесть и повторить правила, но столько же раз и соскакивала. Переставала видеть формулы, едва утыкалась в учебник — просто таращилась на страницу, вспоминая и вспоминая: поджатые губы Осипенко; вы параноик, Келдыш; неужели вы не поняли, в самом деле не поняли; я приду… Агата в очередной раз подскочила и побежала разыскивать выход на крышу — должны же они как-то туда попасть? Но на люке, ведущем на чердак, висел увесистый замок, еще и наверняка заговоренный. Агата, расстроенная, вернулась в комнату.

Стефи подняла голову от учебников, которые разложила вокруг себя на кровати.

— Как определить возраст единорога?

Мне бы твои проблемы, чуть не сказала Агата. Честно подумала.

— Наверное, спилить у него рог и посчитать кольца. Как у дерева, понимаешь?

Стефи, шевеля губами, смотрела на нее диким взглядом. Повторила задумчиво:

— Спилить рог… — и спохватилась: — Ой, да ты же вообще ничего не знаешь!

Даже это сейчас не задело. Агата так не волновалась, наверное, и перед Большим Школьным Балом с Вудом. Кажется, даже температура поднялась. Если она так трясется от обычной… хм, обычной?.. прогулки по крышам, то что же будет, когда она пойдет на настоящее свидание?!

Ведь у них же с Келдышем не свидание?

С его стороны — точно.

Она с трудом отговорила Стефи учить магическую зоологию еще и ночью: мало того, что перед смертью не надышишься, так еще и их прогулке помешает!

— Ой, думаешь, я усну? — ныла Стефи, складывая учебники стопкой у кровати — наверное, надеялась, что они и во сне окажут на нее обучающее влияние. — Три хи-хи! Знаешь, Горыновна какой сама зверь на экзаменах? Валит каждого второго!

— Ты будешь первой, — утешала Агата.

— Ой, конечно, тебе-то хорошо, какая-то алгебра! Я все равно не усну, так нервничаю…

И, договаривая, уже крепко спала. Агата переждала контрольный визит воспитательницы — из-за экзаменов им разрешили гасить свет не в десять, а в одиннадцать — тихонько открыла окно и села на подоконник. Запоздало подумала: а ведь они не договорились, когда и откуда Келдыш появится. Сумеет ли он одолеть заговоренную ограду? Правда, говорят, та заговорена больше изнутри — от особо талантливых учеников — чем от проникновения снаружи.

Часы внизу, в холле, пробили полночь. Агата встрепенулась, вглядываясь в темноту парка. Никого нет. Полпервого... А вдруг он и не придет вовсе? А она сидит, как дура, и ждет, и ждет.

Мог бы тогда и позвонить.

Но вот не позвонил. И не пришел…

— Доброй ночи, — сказали мягко над самым ухом. Агата дернулась, едва не опрокинувшись назад, в комнату, — хорошо, Келдыш придержал ее за плечо. А, может, сам придержался, чтобы не упасть, когда ступал на подоконник.

— А как вы?..

Игорь показал пальцем себе за спину.

— По пожарной лестнице. Или вы думали, что я подплыву к вашему окну на ковре-самолете?

Наклонился, держась за раму окна, заглянул в комнату. Осмотрел завалы тетрадок и учебников. Хмыкнул:

— Чистенько…

Зашевелилась Стефи. Спросила невнятно:

— Агат, ты…

Игорь поспешно махнул на нее рукой, пробормотав что-то. Стефи снова засопела. Келдыш глянул на Агату — почти виновато.

— Чуть не проснулась… Идемте.

Что, прямо в окно? Агата поглядела вниз.

— Нет, — сказал Келдыш, — для начала на лестницу.

Все чаще кажется, что куратор читает ее мысли даже без кольца! С его помощью Агата перебралась на лестницу и полезла на крышу. Забираться-то тут — всего один этаж и чердак. Келдыш мягко прошелся по плоской, устланной черным толем крыше. Луна посматривала на них свысока — тоже, наверное, раздумывала, стоит ли им помогать сегодня. Ведь Игорь даже приходить не собирался, передумал почему-то…

— Ну и как мы? — спросила Агата, показывая на крыши ближайших домов, едва видневшихся за верхушками деревьев интернатского парка. — Так далеко!

— Расстояние не имеет значения.

— Правда? А что имеет?

— Насколько партнеры по прогулкам друг другу доверяют.

А они партнеры?

Агата раньше никогда не замечала, что полная луна дает столько света, заглушая и фонари и редко освещенные окна. Казалось, этот свет ощутим, как лучи солнца — только не нагревает, а охлаждает кожу.

Глаза Келдыша точно серебром залиты.

— Вы верите, что я не дам вам упасть?

— Да, конечно. А… вы?

Крошечная пауза.

— Теперь — да. Давайте руку и идем. Нас уже ждут.

Рефлекторное ожидание падения, замершее дыхание; внезапный ветер в лицо, разметавший волосы; твердая рука, сжимающая ее ладонь («я — держу»). А над всем этим — круглая, яркая, насмешливая луна...

Борис с Анжеликой ожидали на крыше театра. Келдыш коротко рассказал им про посещение СКМ.

— Осипенко? — переспросила негромко Анжелика.

— Вы ее знаете?

Анжелика поежилась, вздернув тонкие плечи.

— Она со мной тоже… работала.

Мечтательно глядя на луну, Борис сообщил:

— Есть у меня список людей, которых бы мне хотелось покусать. Осипенко в нем в первых пунктах.

Келдыш смотрел то на него, то на Анжелику.

— То есть?

— Она профессионал, — сказала Анжелика.

И что тут ужасного, это же похвала? Но у Келдыша дернулся рот, когда Анжелика добавила:

— Вы тоже таким… были.

— Это комплимент или наоборот? — сухо поинтересовался Келдыш.

— Простая констатация фактов, — ответила Анжелика. Они обменялись долгими взглядами, и Игорь отвернулся. Что-то и эти двое не ладят…

А вообще все суетятся ни из-за чего. Никто же не собирается ее никуда забирать и запирать, пообследуют пару месяцев, и отпустят. Может, еще и научат, как справляться с бестолковой магией. Хотя, конечно, очень приятно, что Игорь за нее волнуется!

Агата пошла по парапету, для верности расставив руки. Заглянула вниз. После путешествия по крышам она все еще ощущала себя легкой, точно перышко; чуть подуй ветерок — взовьется-взлетит прямо вверх по лунному свету.

— Погуляем все вместе?

— Нет! — сказал Келдыш — так резко, что она растерялась.

Борис, усмехнувшись, тоже качнул головой.

— Пожалуй, не стоит.

Раньше так сам приходил, предлагал, а теперь… Пожав плечами, Агата отвернулась. Ну и подумаешь!

— Я постараюсь разузнать побольше, — услышала она голос Бориса.

— Ты понимаешь, что наши действия незаконны?

— Ох, как же ты меня удивил!

Легкое прикосновение к плечу. Холодное прикосновение.

— Не обижайся, — тихо сказала Анжелика. — Просто прогулки по крышам — это…

— Это что? — спросила Агата.

Слабая, еле заметная, точно мерцающая улыбка.

— Это больше чем секс.

Ох! Коготь Анжелики скользнул по ее щеке.

— Пока, девочка.

— Пока, Агата!

— Пока…

Вампиры одновременно оттолкнулись от парапета. Миг, взмах, трепет призрачных крыльев — и мерцающая дымка растаяла в лунном свете.

— Идемте, — сказал Келдыш нетерпеливо, протягивая Агате руку. — Мы припоздились. У вас ведь завтра, то есть, уже сегодня экзамен, ваша бабушка права, надо хоть немного поспать.

Наверное, во всем виноваты Анжеликины слова: Агата увернулась от руки куратора и просто шагнула с крыши театра. Полетела.

Но вниз.

Она еще не успела ничего ни понять, ни испугаться, как земля оказалась рядом — прямо перед ее лицом — а потом ее резко вздернули вверх, да так, что все кости затрещали. Асфальт тяжело и больно ударил по пяткам, удар пронесся по позвоночнику, отдался в затылке. Келдыш встряхнул ее — сильно, больно. Прошипел:

— Что ж ты делаешь, а?! Жить надоело? Что…

Оттолкнул ее и пошел, прихрамывая, к дороге. Наверное, повредил ногу, когда приземлялся, взяв на себя вес обоих. Агата, точно собачка на поводке, поплелась следом. Как-то ниоткуда появилось такси — может, ходит специальное для уставших магов-полуночников? — злой Игорь нырнул на переднее сиденье, хлопнул дверью. Агата осторожно залезла на заднее и нахохлилась, глядя в окно. Она даже не испугалась. То есть гулять по крышам можно только парами? А если она пойдет одна, то непременно, как сейчас, упадет? Открыла рот, поглядела в напряженный затылок Келдыша и решила повременить — пусть куратор успокоится.

Пошла было к воротам интерната, но Келдыш ухватил ее за рукав.

— Собираетесь вот так запросто подойти к охраннику: «Пустите, пожалуйста, я вернулась с прогулки по крышам»?

Повел ее в обход ограды. Оглядел совершенно пустую улочку и взялся за прутья обеими руками. Представилось, что сейчас он, как какой-нибудь супермен, просто раздвинет их… Что-то щелкнуло, и в руке Игоря оказался металлический стержень.

— Ого! А как?..

— Один прут вставной, фальшивый. И не смотрите на меня с таким восторгом, я не выпиливал его темной дождливой ночью! Этот секретный вход передается у интернатовцев из поколения в поколение. Секрет Полишинеля. Знаете, что это такое?

— Секрет, который всем известен. А вы откуда про него знаете?

— Вперед, хватит болтать!

Агата протиснулась, прикидывая, не застрянет ли здесь толстенькая Люси, сделали бы уж тогда сразу пошире, что ли… Щелчок: прут встал на место. Агата подергала его, потолкала, сверху, снизу — бесполезно. Может, при открытии секретного входа Келдыш читал про себя какое-то заклинание? Куратор смотрел на нее из-за ограды.

— Идите спать.

— Спокойной ночи, — машинально отозвалась Агата. Игорь хмыкнул, и они одновременно посмотрели на светлеющее небо.

— Мы еще поговорим! — пообещал куратор с угрозой.

— О чем?

— О том, с какой стати вы вдруг сиганули от меня с крыши! А что до этого… — он похлопал ладонью по решетке. — Я тоже когда-то учился в этом интернате. Тогда директором был еще не Божевич.

— Вы-ы?! Учились здесь?

— Я-а-а, — передразнил он. — Был кем-то вроде вашего Димитрова…

— Он не мой! — быстро отказалась Агата, Келдыш точно не услышал.

— …неуправляемым Огневиком.

— А что, а как вы…

— Всё, Мортимер, проваливайте, — сказал Келдыш нетерпеливо. — Я устал до чертиков.

— А, — сказала Агата, сразу скиснув, — извините. До свидания.

Отмахнувшись, Игорь похромал прочь. Агата провожала его глазами, пока он не скрылся за углом дома. Подергала прут (тот даже не шелохнулся) и нехотя побрела по парку к своему окну. То есть, к своей пожарной лестнице.

Кажется, с прогулками по крышам покончено…

Глава 4
Призрачное крыло

Алгебру она сдала на «отлично». Хорошо, что была полусонная, а то б начала проверять и сомневаться, и наверняка бы наделала дурацких исправлений.

Радостная Стефи (она получила за магзоологию «хорька») на время позабыла, что через несколько дней у нее экзамен по Стихиям, и теперь бегала по комнате, сочиняя объявление о знакомстве в университетскую студенческую газету «Волшебная жизнь».

— Юная ведьма из хорошей семьи…

— Какое ему дело до твоей семьи, — справедливо заметила Агата. — Он же не жениться на тебе собирается!

— Ну тогда так: симпатичная ведьма…

— …шестнадцати лет…

— Ой, нет! — испугалась Стефи. — Нельзя говорить, что я еще учусь в интернате! Студенты Академии не встречаются со школьницами, я узнавала.

— А что ты ему тогда скажешь?

— Скажу, из маг-колледжа, в следующем году поступаю в Академию…

— Стефка, ну зачем тебе какие-то объявления? Ты и так успехом пользуешься!

Стефи мимоходом полюбовалась на себя в зеркало. Светлые ее волосы блестели и струились по спине и плечам. А вот Агате ни магия, ни бигуди, ни фены не помогают: волосы, как торчали, куда хотели, так и торчат.

— Лишних парней не бывает, — поучающе заметила Стефи. — Да и вообще, что мне делать на каникулах? Хоть на танцы будет с кем сходить! Вот ты, например, всегда можешь пойти куда-нибудь со своим Игорем, а я…

Агата попыталась представить, как Келдыш приглашает ее в какой-нибудь ночной клуб или ресторан… Да, пожалуй, и ей пора давать объявление в студгазету!

Позвонила бабушка:

— Как там твоя алгебра?

— Послезавтра скажут.

— Но сама-то ты как думаешь?

— Ну… три задачи решила правильно.

— А остальные?!

— *Абсолютно* правильно!

— Вот и отлично! Собирайся, сегодня едем в ИМФ, посмотрим, что там и как.

— А может…

— Никаких «может»! Агата, делай, что я говорю! Не слушай ты Келдыша, не следует идти на ненужный конфликт! Так и волки будут сыты и овцы целы.

Бе-е-едная овечка по имени Агатка…

— Подожди-ка, — бабушка придержала ее за локоть у входа в Институт Магических Феноменов. Подняв голову, внимательно вглядывалась в какую-то карту на высокой резной деревянной двери: карта походила на громадную, местами облезшую переводную картинку.

— Вам требуется проводник? — спросила дверь. Агата завертела головой: наверное, где-то сидит охранник и смотрит в камеру. Или у них тут все по-другому устроено?

— Нет, спасибо, мы справимся сами. Маршрут до второго уровня, лаборатория тринадцать, пожалуйста…

«Переводная картинка» мигнула и превратилась в схему, по которой медленно ползла мигающая стрелочка. Бабушка, кивая, шевелила губами — заучивала повороты, что ли?

— Теперь идем, только не отставай.

Дверь открылась бесшумно. Вообще-то она должна была отвориться с душераздирающим скрипом, как и полагается в зловещем, полном привидений замке, потому что внутри ИМФ было очень темно, пусто и даже как-то заброшенно. Агата поглядела вверх и сбилась с шага: так высоко, что и потолка не видно.

— Агата, я же сказала не отставать! — нетерпеливо окликнула бабушка. Бодро постукивая каблучками, она уверенно шагала по темному и извилистому, как тропинка в лесу, коридору. — Запомни — в коридорах лучше лишний раз не задерживаться. И всегда пользуйся схемой или проси себе проводника. Если ты утром вошла в Институт, нет никакой гарантии, что выйдешь тем же путем.

— Как это?

— Коридоры тут немного… живые. Издержки экспериментальной магии.

Озираясь, Агата поспешно догнала ее.

— А где все?

— На работе в своих лабораториях, конечно, — бабушка указала на редкие двери, мимо которых они проходили. — Но если тебя не приглашали и не выдали никакой защиты, туда тоже лучше не соваться.

Белая пластиковая дверь лаборатории за номером тринадцать гостеприимно распахнулась перед ними.

— Добрый день, Лидия Аркадьевна. Добрый день, Агата. Рада вас видеть. Заходите, мы вас давно ждем.

— Лаборатория повышенной защиты? — иронически спросила бабушка.

Осипенко улыбнулась.

— Но вы же прекрасно понимаете необходимость этого?

...Агата быстро заскучала. Мрачные предсказания Келдыша все-таки ее напугали. Но ничего особенного «в лаборатории повышенной защиты» не происходило: все та же с детства знакомая процедура МС-проверки, тесты, вопросы-ответы… Лаборатория была просторной и почему-то напоминала саму Осипенко — бесцветная, или правильнее будет сказать стерильная? В большие окна смотрело соседнее кирпичное здание; окон там было мало, окна были узкие, и оттого казалось, что здание подслеповато щурится, пытаясь разглядеть людей в доме напротив. Два молчаливых лаборанта, мужчина и женщина в темно-синих балахонах-халатах, копошились за длинным столом. Исподтишка рассматривали гостей — наверное, начальница предупредила, какой к ним сегодня прибудет… феномен.

Осипенко любезно проводила их до выхода из Института. Очутившись на улице, Агата прищурилась на солнце. Пейзаж вокруг какой-то промышленный: серые здания почти сплошь без окон, пустая дорога, за ней — парапет и асфальтово-серая широкая река Сень. Дурацкое название. Все здесь дурацкое. И машина, которая их ожидала — тоже. Старая, с пыльными номерами.

Бабушка оживленно беседовала с Осипенко на неведомом языке: то есть, язык-то, конечно, был обычный, а вот термины, которыми они сыпали… Пары месяцев в интернате волшебников для перевода маловато. Агата послушала-послушала, заскучала и пошла вдоль здания ИМФ, разглядывая серые стены с широкими окнами и редкими запертыми дверями на первом этаже.

Остановилась. Половина института была точно срезана плотным белым туманом — слегка колеблющийся, он принимал форму здания, как будто продолжал его. Призрачное продолжение… Редкие люди проходили мимо, не обращая на туман никакого внимания. Зна-

чит, так и должно быть; наверное, он наколдован, чтобы скрыть какую-то тайну. Попробовать подойти поближе? Там по-прежнему продолжается здание или в тумане прячется уже что-то другое?

У нее за спиной завелась машина. Бабушкин голос:

— Садись, Агата.

Агата села и показала на туман.

— Это что у них такое?

— Это… — бабушка повернулась, провожая взглядом уплывающий назад туман. — Это тот же Институт. Просто его разрушенная половина.

— А что там, в тумане?

— Ничего. Даже развалин не осталось. Когда случилась… катастрофа, уцелела только часть корпуса. Ну, скажем, это призрачный слепок с разрушенного крыла здания. И он тоже постепенно исчезает. Туман с годами становится менее плотным.

— А давно это случилось?

Бабушка смотрела прямо перед собой.

— Около тринадцати лет назад.

Агата поглядела на ее напряженный затылок, поняла и резко обернулась. Туман вместе с Институтом постепенно заслоняли другие здания и заборы, мимо которых они проезжали. А ведь говорили, что *тот* Институт был разрушен…

— Значит, отсюда и пошла на город Магия?

— Да. Все остальное отстроили, а с этим крылом пока ничего не могут поделать. Тут столько времени проводились различные опыты и эксперименты, это просто не могло не сказаться…

Агата уже не слушала. Значит, вот здесь работали ее родители. Лем. Ходили по «живым» коридорам. Смотрели в эти окна, ели в институтском буфете. Может, еще и вместе с Ноной. А что, по возрасту подходит! Если попросить Осипенко рассказать — ответит или нет?

Вот Келдыш, например, очень неохотно говорит о прошлом.

Глава 5

Лаборатория сна. Алая арка

Одно из направлений работы ее лаборатории, сказала Осипенко — исследование сновидений. Сонмология относится к наукам, которые лежат на стыке науки, психологии и… магии. При чем здесь магия? А разве то, что человек может научиться управлять своими снами, а через них — событиями в реальной жизни — не волшебство? Или предсказание грядущих событий, так называемое «дежавю»? Ведь все эти события и места мы когда-то видели во сне, но позабыли. А погружение в прошлое, когда мы способны увидеть, кем были в предыдущих жизнях? Во сне люди выпускают на свободу силы и чувства, которые днем держат под жестким контролем или даже не замечают.

Так что, сказала доктор магических наук, она будет работать с Агатой именно во сне.

То есть как это? Она должна придти в ИМФ, лечь на кушетку и заснуть? Просто какой-то сончас для детсадовцев! Агата честно предупредила, что с трудом засыпает днем, да и вообще «сова» от рождения. А ставить снотворное себе не даст — хватило ей укола Лема, от которого она проспала половину суток. И вообще, ей не нравится, когда она спит, а вокруг ходят незнакомые люди… И магия на нее не действует, продолжала Агата, укладываясь на кушетку. Кушетка оказалась очень удобной — ни твердая, ни мягкая — в самый раз. Тут Агата вспомнила, что не выспалась, потому что Стефи полночи трещала про суперпарня, с которым вчера познакомилась. Она все время знакомится только с «суперами»: кажется, те просто пасутся возле интерната в ожидании, когда же Стефани на них наткнется. А вот ее, Агату, они не замечают.

Или она их?

— Давай поговорим о твоих снах, — предложила Осипенко.

— Говорите, — согласилась Агата.

— Снятся ли тебе когда-нибудь кошмары?

— Да.

— Как часто?

— Сейчас почти постоянно.

— Что именно: пожар, падения, погони?..

— Инквизитор.

Осипенко моргнула. Глаза у нее большие, а ресницы хоть и длинные, но редкие. Поэтому кажется, что моргает большая сова.

— Инквизитор?

— Главный Инквизитор часто снится. Как он смотрит на меня, когда… ну, вы знаете.

Осипенко сжала губы, точно пытаясь удержать рвущиеся наружу слова — или все-таки мысленно произнесла их и поставила точку. Неизвестно как, но Агата поняла одну вещь: Инквизитор был одним из НИХ. Если б он попытался лишить магии кого-то из волшебников, это бы считалось преступлением, и его за это наказали. То, что он напал на интернатовцев — конечно, тоже «не есть хорошо», — но вот Агата, неизвестно откуда взявшаяся и неизвестно каким боком к волшебникам примазавшаяся, не имела права делать с ним то… что сделала.

Даже если она этого не делала.

Нона заглянула в свой неразлучный блокнот. Перелистнула страницы.

— Я нашла записи твоего школьного психолога: «Навязчивый кошмар преследует с самого раннего детства: в темноте чудятся серые тени». Это все еще продолжается?

Агата твердо встретила ее взгляд.

— Нет. После Котла — ни разу.

— Может, ты боишься каких-нибудь насекомых, животных, змей?

Агата пожала плечами:

— Да вроде бы нет… не особенно.

— Высоты, воды, огня?

— Ну уж точно не высоты! — Осипенко не поняла, почему она рассмеялась. Доктор магических наук хочет выяснить все ее страхи? Агата-то знает — боится, что умрет бабушка.

И что однажды уйдет Келдыш.

Нет, про Игоря она не скажет.

Не ей, точно.

— Агата, мне кажется, ты слишком напряжена и насторожена, — заметила Осипенко. — Поэтому наши исследования и топчутся пока на месте. Ты ведь не хочешь, чтобы они продлились все летние каникулы, нет? Я так и думала. Сейчас ты приляжешь и попробуешь уснуть. Будешь просто спать и видеть сны. Больше от тебя ничего не требуется. Поверь, многие бы из нас обрадовались возможности отдохнуть посреди рабочего дня. Мы прикрепим к твоим запястьям и лодыжкам датчики. В соседней комнате находится реципиент — маг, тоже погруженный в сон, который будет принимать твои сновидения…

— И он сможет увидеть мой сон?!

Осипенко улыбнулась. Снисходительно.

— Нет. Он будет лишь воспринимать твои эмоции и колебание твоей магии, если таковые будут. Только и всего.

— И как это вам поможет?

— О нас не беспокойся. Вообще ни о чем не беспокойся. Здесь ты в безопасности, так что можешь расслабиться и просто немного подремать. Только потом тебе придется пересказать мне свой сон.

Даже неприличный — как она голая стоит посреди города?

— И никаких уколов, снотворных или какого-нибудь гипноза? — спросила Агата подозрительно.

— Боже мой, конечно, нет! Мы соблюдаем закон и профессиональную научную этику, что бы там не внушал тебе куратор Келдыш.

К голове, рукам и ногам Агаты прикрепили датчики. Еще один Осипенко прилепила ей на грудь : точно собралась снимать кардиограмму. Все провода тянулись и исчезали в перегородке — может, к спящему в соседней комнате реципиенту? Так когда-то приковывали цепями узников … Но ведь она может запросто снять эти датчики, если вдруг что-то не понравится? Когда Агата легла на спину, прямо перед ее лицом появился слабо светящийся синий шарик. Она протянула руку — потрогать его — но шарик ловко отпрыгнул вверх.

— Агата, не мешай нам работать! — сказала Осипенко.

— А что это?

— Один из приборов. Хватит вопросов, мы и так уже много времени потеряли, закрывай глаза…

— Я не усну.

— Хорошо, тогда просто полежи с закрытыми глазами. Я выключу свет, чтобы он тебе не мешал.

Агата послушно закрыла глаза: и правда, как в детском саду! «Поворачиваемся на правый бочок, ручки под голову, глазки закрыва-аем!» Но она уже выросла и никогда не спит днем…

Агата съехала в сон, точно по пологой длинной синей горке. Мимо и сверху неслись стены, снег, вода, разноцветные тучи, ветер раздувал ее волосы, неожиданно темные, длинные и прямые, как не подстриженный конский хвост… Она летела и летела, а потом вдруг поняла, что впереди ожидает обрыв, черная пропасть. Скорость все увеличивалась, а уцепиться было не за что, руки и ноги не слушались, она уже летела кувырком…

И Агата представила, что просто соскальзывает с обрыва в воду. Плюх! Вода была теплой, янтарно-светлой, она видела сквозь нее рыб и свои шевелящиеся ноги. Плыла лениво, щурясь на яркое солнце, впереди ее ждал веселый зеленый берег…

Солнце вдруг погасло. Нет, не так — на солнце наложили черную пленку — оно пробивалось сквозь эту пленку еле-еле, мир потемнел и обесцветился. Стало холодно. Агата быстрее зашевелила руками-ногами, но встречное течение упорно отбрасывало ее от берега прочь. Взметнулись мутные волны; летели на нее, несли и кружили, но Агата совершенно не боялась, зная, что ее вынесут в безопасное место...

Они и вынесли — выбросили на песчаный берег, а когда Агата оглянулась, то и само море тоже превратилось в песчаные волны-барханы.

Пустыня ждала ее: невозмутимая, красивая необычной мрачной красотой. А разве бывает красота обычной? Агата поднялась на ближайший бархан и очутилась перед высокой деревянно-резной, обвитой красной атласной лентой, аркой. Очень светло — казалось, что там нет ничего, кроме этого белого света. Агата шагнула под арку, краем глаза заметив шевеление: ленты начали ползти по арке спиралью, словно змеи по дереву. Очертания комнаты проступали медленно. Намеками, тенями, акварелью… Самым четким было окно: высокое, узкое, составленное из цветных стекол-ромбиков. И человек в красном длинном плаще перед ним. Белые волосы забраны черным бархатным бантом в хвост, доходящий до лопаток. Агата еще с любопытством оглядывалась, когда человек резко обернулся — красный плащ взлетел за его спиной, точно широкое единственное крыло.

Кто ты?

А ты? — спросила Агата.

Человек медленно шагнул вперед — черные сощуренные глаза его бегали, как будто он ее не видел.

Кто ты? — повторил мужчина. — *Покажись!*

Резко размахнулся, раскидывая перед собой какую-то пыльцу-порошок. Частички порошка, попавшие на нее, замерцали зеленоватым светом. Агата вытянула руки, повернулась, разглядывая себя: да она просто сияет! Теперь человек смотрел прямо на нее. Глаза его расширились.

Девушка? — спросил он. — *Ты девушка или демон? Откуда ты взялась? Как смогла попасть сюда?*

Сон становился все занимательней и занимательней. Надо запомнить, рассказать потом… кому-то.

Куда — сюда?

Он протянул руку — и отдернул, почти коснувшись ее светящихся пальцев.

Уходи. Уходи, пока можешь!

Почему?

Агата оглянулась вслед за его взглядом. Арка позади нее наливалась красным...

Быстрее!

Толчок в спину был самый настоящий.

Агата лежала на кушетке и смотрела на поднесенную к лицу руку. На пальцах медленно гасло зеленоватое свечение.

— Что тебе снилось?

Она вздрогнула от резкого голоса Осипенко. Та нависла над кушеткой, рядом стоял еще какой-то мужчина. Агата завозилась и села.

— Ну… много чего.

— Я ее потерял, — сказал мужчина, присев на край кушетки. — Так резко, словно защитную стену поставили, не пробьешься. Она умеет контролировать свои сны? А защищаться?

— Господи боже мой, да ничего она еще не умеет! — раздраженно откликнулась Осипенко.

Агата подумала и решила не обижаться — и правда, она умеет разве что с кошками разговаривать. А, может, среди магов это каждый второй умеет?

Осипенко сложила на груди руки.

— Итак, мы тебя слушаем!

— Ну, сначала я ехала по какой-то горке, потом сорвалась в пропасть, потом чуть не утонула в море…

— Это мы всё знаем! — Осипенко забарабанила пальцами по локтям. — Что тебе снилось потом?

— А… арка из красных лент посреди пустыни… за ней был человек… черноглазый, с белыми волосами… или в парике?.. в красном плаще…

Агата проследила за взглядами имээфовцев и открыла рот. В воздухе медленно кружилась и мерцала золотистая картинка: арка и маленький человек в красном. Под ее изумленным взглядом картинка растаяла. У них здесь в ИМФ рассказ сопровождается голографическими иллюстрациями?

— Можешь добавлять детали поподробнее и почетче, — подмигнул мужчина. Это и есть ее застенный реципиент? — Понятно, тебе приснились Агнус и его Алая арка. Вчера на ночь, наверное, «Легенды Магии» перечитывала?

— Нет, а кто такой этот Агнус? Дадите почитать? Интересно?

— Рассказывай все в подробностях! — перебила доктор магических наук. Пока Агата добросовестно докладывала, Осипенко сверлила взглядом ее лоб, точно пыталась увидеть сон прямо в агатиных мозгах.

— Юра, давайте-ка взглянем на последние записи Агнуса.

— Вы думаете?.. — мужчина вскочил с кушетки.

Агата с любопытством следила, как они разворачивают большой пожелтевший свиток, доставленный выдрессированными Осипенковскими лаборантами — казалось, те и говорить-то не умеют, а только выполнять распоряжения. Юрий водил пальцем по строчкам, бормоча:

— Ух ты, а это позавчера появилось… Интересный у него результат, хоть и методы, конечно…

— Юра, не отвлекайтесь!

— Угу… а это что? Нет, это мы уже видели… Ага, вот оно! «И был явлен мне то ли сон, то ли видение: девица в мужеской одежде беспрепятственно прошла через огненный рубеж моей Арки и вопросила: «Кто ты?»

Ученые оторвались от свитка и поглядели на Агату. Лаборанты тоже уставились. Агата осторожно всем улыбнулась.

— Ну да… все так и было. А что это такое?

А оказалось это легендой, которую проходят на уроках волшебной истории младшие школьники, все, кроме нее, конечно. В средневековье некий могущественный маг по имени Агнус, преследуемый с одной стороны инквизицией, с другой — страждущими помощи волшебника, в отчаянье замкнул сам себя в своей алхимической лаборатории с помощью огненной Алой арки, сквозь которую никто не может войти… но и никто не может выйти (Хм, а в огнеупорных костюмах они не пробовали?). Будучи сильным магом, Агнус смог обеспечить себя питьем и пищей, ингредиентами для исследований и даже односторонней связью — записи его опытов и размышлений регулярно появляются в так называемом Свитке Агнуса, который территориально принадлежит столичному ИМФ.

— Так этот Агнус бессмертный?

— Нет, понимаешь… — Осипенко задумалась, как бы понятней объяснить невежественной подопытной. — Он замкнул себя и во времени, то есть времени для него попросту не существует. Да, можно сказать, что Агнус вечный — как вечен и Магический Институт.

— Ваш ИМФ, — понятливо кивнула Агата. И опять не угадала. Оказывается, имеется теория единого Магического Института, раскинувшегося во времени и в пространстве. Любой костерок, разведенный первобытным шаманом для принесения жертвы, любая средневековая лаборатория алхимика, любой современный магический полигон, — все это Институт, беспрерывно развивающийся и разрастающийся. Даже уничтоженный какой-либо катастрофой участок этого странного организма некоторое время продолжает существовать, подпитываемый постоянно прибывающей магией.

Агата ткнула пальцем — не уверена, что в нужную сторону:

— Как половина вашего ИМФ?

Осипенко кивнула.

— Да. Благодаря эху мортимеровской магии половина здания все еще существует, но не здесь, не в нашем материальном мире, и попасть туда не представляется возможным. До сих пор не представлялось.

Осипенковский оценивающий взгляд Агате не понравился. Но тут она вздрогнула.

— И тогда мама… она все еще может быть там… как бы жива?

Осипенко прищурилась.

— В некотором роде.

— И я… я могу ее увидеть?

— Такая вероятность не исключена. Во всяком случае, ты можешь попробовать. С нашей помощью, разумеется.

По дороге в интернат Агата, конечно, поняла, что Осипенко специально подзадоривала, чтобы она не противилась экспериментам, чтобы у нее, как говорится, появился стимул сотрудничать. И все же — представить только! — она сможет увидеть маму! Может, даже поговорить с ней…

Келдыш по телефону сказал, чтобы она не очень на это надеялась. Один сон — хм, сон? — еще ничего не значит. Но Агата все равно должна держать его в курсе.

«Легенды Магии» оказались и в интернатской библиотеке. Стефи заметила, что самое время в экзамены сказки читать, и уселась разрисовывать себе ногти.

Глава 6
Голем

На следующий день интернат спешно эвакуировали.

Воспитательница Валерия влетела в комнату, где Агата мирно учила иностранный язык (то и дело ненароком зависая над «Легендами»), гаркнула: «Бежим!» — и выволокла ее прямо в халате и тапочках из здания. Школьники приникли к ограде уже снаружи, с улицы, с жадным интересом наблюдая за родным интернатом. Оттуда то и дело выбегали по двое, по трое учащиеся, подгоняемые пастухами-охранниками. Агата пробралась через веселившуюся толпу к Стефи.

— Что там приключилось?

— Ой, обычный дурдом! Как экзамен по Стихиям, так вечная чрезвычайка! В этот раз наши отличились, — она кивнула на троицу из Земляных и Водяного. К ним то и дело кто-нибудь подходил, хлопал по плечу (или по голове — в зависимости от роста), и отпускал насмешливые замечания. Тощий Карл выглядел поникшим, Люси наблюдала за происходящим со спокойным ожиданием, а Зигфрид просто сиял оттого, что опять находится в центре собы-

тий и внимания. — Решили удивить всех преподов сразу: смастерили голема и притащили его на экзамен. А голем, не будь дураком, ка-ак припустит — только его и видели!

— Голем? — переспросила Агата, представляя себе громадную глиняную фигуру, бредущую по опустевшим коридорам интерната. Да уж, хорошо, что он не завернул к ним в комнату в гости на чаек…

— Проволока — каркас, глина — тело, вода — кровь, а двигатель — огненная искра.

— Огненная? А кто…

Стефи фыркнула.

— Ну, Димитров у нас не единственный Огневик, ты же понимаешь! Просто самый сильный… был. Вон, Костина Юлька тоже с ними выпендрилась.

Из здания бодрой рысью выбежал Божевич, и интернатовцы оживились: неужели и директор удирает? Божевич приблизился к ограде, сразу отыскав взглядом незадачливых экзаменуемых.

— Ты, ты, ты и ты! Ко мне!

Школьники подтянулись любопытствующей толпой следом. Не обращая внимания на открытые рты, блестящие глаза и бесконечные комментарии учеников, директор навис над «отличившимися».

— Кто вкладывал задание в голема?

— Я! — бодро отрапортовал Водяной.

— Но придумывали мы все, — уточнила справедливая Люси.

Божевич раздраженно отмахнулся.

— Уточни-ка мне формулировку!

— Пройти по столу экзаменаторов.

— Вы указали направление, отрезок пути, скорость и время… этой э-э-э… прогулки?

Четверка переглянулась и красноречиво промолчала. Карл еще больше втянул голову в плечи, долговязая Юля безуспешно попыталась спрятаться за спинами соратников.

— Не-а, а что, надо было? — удивился Зигфрид.

Директор протянул руку через решетку и отвесил ему звучный щелбан. Водяной не обиделся, потер лоб и расцвел — точно ему приз вручили.

Стефи, хихикая, объясняла Агате:

— Вложили в голем бумажку с нечетким заданием, он честно прошелся по столу и дальше побежал. Так и бегает без остановки по всему зданию, представляешь? А преподы — за ним.

Божевич глянул в их сторону.

— Надеюсь, Агата не принимала участия в создании куклы? Нет? Боже, какое счастье!

И уже не так поспешно направился обратно к зданию.

Голем был загнан в тупик возле чердачной лестницы и развеян по ветру. Но перед этим он до седьмого пота погонял преподавателей и воспитателей — видимо, от «родителей» ему досталось и знание всех переходов и поворотов сложной интернатской архитектуры. Отличившейся четверке поставили «хорошо» по Стихиям за удачное практическое воплощение теоретических знаний и «неуд» за незнание ОБМ — Основ безопасной магодеятельности.

— Если б наш голем успел пробраться на чердак, — сокрушался Зигфрид, — фиг бы его кто нашел!

— Почему это? — спросила Агата, и глаза Водяного сделались узкими и хитрыми-хитрыми.

— А потому что, — громким шепотом сообщил он, — там знаешь, что?

— Что?

— Там черная дыра! Или проход в другое измерение. И еще там живут и копятся все вещи, наколдованные интернатовцами.

— А! — сказала Агата, ни капли не сомневаясь, что ее разыгрывают. Как обычно новичка — пойдешь туда, козленочком станешь… А там уже сидят в засаде хихикающие старожилы, всегда готовые развлечься за твой счет.

Но и Стефи передернула плечами:

— Ой, ну я бы точно на чердак не пошла! Ни ночью, ни белым днем. Директор даже раз в год вызывает туда дезактиваторов с СКМ. Те, правда, ходят со счетчиками по всему интернату; где магия зашкаливает, проводят зачистку. В прошлом году Маньке (она сейчас в Академию поступила) всю комнату разнесли. Они с соседкой знаешь, как развлекались? Вызовут джина, мелкого, правда, и давай ему вопросы задавать — мол, любит меня там Вася со второго курса, а если не любит, как заставить его полюбить? Джин после какого-то раза озверел и пошел вразнос. Чуть полкрыла не выгорело!

Что-то это напоминает… Неужели волшебники так никогда и не вырастают?

Глава 7
Оборотень

Осипенко была занята и отправила Агату перекусить в буфет: «Сейчас как раз обеденный перерыв, коридоры не особенно активны, держись остальных сотрудников». Агата поспешно пристроилась в хвост проходящим мимо работникам ИМФ и чуть ли не на цыпочках дошла за ними до буфета. Взяла пончики с чаем и устроилась у окна. За окном была дорога и река Сень.

— О, гляди, какие здесь девочки симпатичные ходят!

Чуть не поперхнувшись, Агата скосила взгляд. У высокого стола слева стояла парочка парней — по виду студенты-старшекурсники с Академии. Агата наклонилась, чтобы волосы упали на лицо, и они не видели ее вспыхнувших щек.

— Девушка, а девушка, — продолжил тот же веселый голос, — вы здесь на практике?

— Нет, — буркнула она.

— О, так вы уже работаете?

— Нет, — так же содержательно отозвалась Агата. Злилась на себя — уж Стефи бы нашла, как поддержать беседу! Но подружка ведь никогда не краснеет, а остальных очень забавляет румянец на Агатиных щеках. Один из самых дурацких и частых вопросов, задаваемых ей: «А что это ты покраснела?» Как будто это от нее зависит! Ведь это все равно, что спрашивать — а с чего это вдруг у тебя глаза зеленые?

— А вы из какой лаборатории?

Агата упорно размешивала давно растаявший сахар.

— Из осипенковской. Лаборатория сна.

— О! — снова сказал парень, но уже с уважением. — А кем же вы там служите?

Она взглянула на него сквозь челку. Русый, коротко стриженный, глаза щурятся и искрятся смехом. Его молчаливый сосед-блондин ест и смотрит то на него, то на нее.

— Лабораторным материалом! — отчеканила Агата, бросая пончики и сползая с высокого табурета. — Приятного аппетита!

Услышала вслед растерянное:

— Приятного…

Агата замедлила шаг, присматриваясь. За окном, выходившим в коридор из какой-то лаборатории, что-то двигалось. Она огляделась (все обедавшие уже разбежались по своим страшно секретным кабинетам) и подошла поближе: а вдруг разглядит, чем там занимаются? Тоже кого-то исследуют? Или что-то? Бабушка говорит, на их втором уровне система повышенной безопасности. Ну насчет нее, конечно, зря, чего ее бояться...

Агата припала к окошку носом. То ли туман внутри, то ли просто такое стекло — молочное, чтобы ничего не было видно.

Внезапно что-то темное метнулось из тумана и ударило прямо перед ее лицом: по толстенному стеклу пошли мелкие змеистые трещины. Агата отскочила. Рука (теперь было видно, что это именно рука) вновь хлестнула по окну, растопыренная пятерня прижалась, словно пытаясь его выдавить. Потом появилось лицо — вытаращенные глаза, рот беззвучно раскрывался, повторяя одно и то же. Агата замерла. Кажется, она даже начала понимать, что ей говорят…

От следующего удара трещины побежали дальше. Человек вдруг дернулся, вновь ударив растопыренными ладонями — точно дерево ветками в окно в ветреный день — и исчез. Кто-то утащил его назад. В туман.

Агата, открыв рот, стояла перед стеклом, не зная, куда кидаться, кого звать, и что вообще делать. Хлопнула дверь лаборатории — вышел работник в сером халате, насвистывая, приблизился, поглядел на окно и покачал головой:

— Нич-чего себе!

Так же насвистывая, положил ладони на стекло, двинул ими, словно сметая в кучку мелкий мусор. Свист на время прервался, ладони сжались в кулаки, крепко сжались… Когда мужчина отнял руки, трещины исчезли, стекло стало по-прежнему целым и непрозрачным. Сунув руки в карманы, лаборант прошел мимо Агаты, покосился и неожиданно подмигнул. Свист стал громче.

Агата так и осталась стоять в коридоре, глядя то на закрывшуюся за ним дверь, то на окно.

Она поняла, что говорил человек.

Помоги, повторял он. Помоги мне.

Вечером Агата рассказала о происшествии бабушке.

— Я же говорила, что в ИМФ решаются очень сложные проблемы. Каждая лаборатория занята конкретной тематикой, которая вполне может быть секретной. (Вдруг представилась табличка на двери осипенковской лаборатории: «Наш секретный проект — Агата Мортимер»). Не забивай голову чем попало, ничего не бойся, безопасность там на очень высоком уровне… К иностранному готовишься?

Конечно. Вернее, учебники уже разложены. Вперемешку со Стефиными. Но ведь начало действия — это уже действие? Тем более она и так хорошо знает ин-яз.

— Готовлюсь, — сказала Агата, выслушала бабушкины наставления насчет режима и подготовки к экзаменам и повесила трубку. Может, она и правда выдумывает проблему на пустом месте? Да и вообще неправильно поняла то, что человек пытался сказать ей?

Послонялась по комнате. Будь здесь Стефи, живо б ее отвлекла и развеселила. Но Стефи ушла делать маникюр: уверяет, что ей лучше *у*чится, если не отвлекают неухоженные ногти. Может, стоит попробовать? Агата выглянула в окно. Тучи никуда не делись — кажется, целый день так и ходят над интернатом кругами. Наверное, преподаватели специально их нагнали, чтобы школьники не отвлекались от экзаменов в первый теплый летний месяц.

Агата села на подоконник, свесила ноги наружу и стала грустить. Грусть сгущалась вместе с тучами. Скоро было одинаково серо на улице и на душе. Да еще пошел дождь…

Вот тогда и позвонил Келдыш. Вообще куратор теперь звонит каждый вечер: осуществляет, как он говорит, дистанционный контроль. Если бабушку в основном интересует, что Агата съела и сколько выучила, то Игоря — что с ней проделывает Осипенко. Она добросовестно отчитывается и перед ним, хотя рассказывать особо нечего, каждый день одно и то же. Как можно любить науку до такой степени, чтобы раз за разом повторять все тот же опыт? С тоски можно умереть! Не понимает она этих взрослых: и на что только они тратят свою жизнь?

Агата вяло доложила о прошедшем дне и умолкла. Ждала, что Келдыш сейчас, как обычно, коротко распрощается и положит трубку. Игорь не торопился. Помолчал немного и спросил:

— Что-то еще?

Ему бабушка, что ли, сказала? Навряд ли. Она вообще старается лишний раз с Игорем не общаться. Да и он с ней тоже.

— Алё-о! — позвал куратор. — В чем дело, Мортимер?

Понимая, что поступает глупо, Агата все-таки рассказала про соседнюю лабораторию и про человека, который просил — не просил? — у нее помощи. Игорь сказал:

— Ясно, — и отключился.

Агата поглядела на замолчавший сотовый у себя в руке. А ей так ничего не ясно. Или это что-то вроде пожелания спокойной ночи?

Куратор перезвонил уже в двенадцатом часу. Стефи пришла с сияющими ногтями, с новой стрижкой, с кучей глянцевых журналов. Подружки успели их рассмотреть, обсудить и даже немного поготовиться к экзаменам. И улечься спать.

— В этой лаборатории, — начал Келдыш с места в карьер, — изучают оборотней. В данный момент там находится опытный образец — доброволец, который дал согласие на ежемесячные обследования в надежде, что однажды его избавят от оборотничества. У Глеба нормальная, человеческая семья, не маги даже, поэтому он находит эту свою способность очень… раздражающей. Так что там не занимаются пытками и не проводят запрещенные эксперименты, как видимо, почудилось вашему богатому воображению. Спите спокойно.

И опять отключился. Даже не дал ей возможности сказать ему спокойной ночи.

Или спасибо.

— Стефи, не знаешь, а оборачиваться больно?

Стефани изогнула шею, пытаясь увидеть, что ее соседка читает, и Агата прочла название книги вслух:

— «Оборотни: легенды, вымыслы, правда».

— Профессиональный термин — не оборачиваться, а перекидываться. Ну а ты сама-то как думаешь — не больно? Вот представь себе: ломает как при гриппе, болят все мышцы, кости — тело перестраивается, потом начинают расти зубы, помнишь, как они у тебя резались? Не помнишь, конечно, и я не помню, но мама говорит — температура очень высокая, больно… Лопается кожа…

— Кожа лопается?!

Стефи наслаждалась агатиной реакцией. Понизила голос.

— И вот из твоего тела вылезает нечто… Но знаешь, что самое страшное?

— Что?

— Самое страшное — заглянуть в зеркало и увидеть, в КОГО ты превратилась! Я бы сразу же с ног… то есть с лап долой!

— А ты когда-нибудь оборотней видела?

— Ну не зна-аю... никто же не представляется: здравствуйте, я — оборотень! До полнолуния они выглядят как обычные люди, а маги только вампиров могут отличить. Вот ты вампиров видела когда-нибудь?

— Да, конечно, — просто сказала Агата.

Стефи аж подпрыгнула на кровати. Глаза ее вспыхнули.

— Ты — видела — вампиров?! И молчишь?!

— Ты же не спрашивала… А ты разве нет?

Агата считала, что раз Борис ходит в давних друзьях у Келдыша, то все маги наверняка имеют таких же знакомых.

— И как они тебе? А глаза какие? А правда, что они все очень сексуальные? Зубы их видела? Ты с ними разговаривала?

— Выглядят как обычно; клыков никаких особых не заметила. А! Двигаются очень быстро. Сексуальные… ну я даже не знаю…

— Ой, ну конечно, тебе-то твоего секс-Игоря за глаза хватает! — ревниво заметила Стефи. — А тут… у родителей знакомых вампиров нет, в наш интернат их не принимают, наверное, справляются со своими «трудными» сами, может, тоже в каком-нибудь специнтернате. Агаточка, а ты познакомишь меня с каким-нибудь вампирчиком, а? С хорошеньким каким-нибудь?

Агата сразу вспомнила Малыша. В принципе, симпатичный. Интересно, а посмеет он подойти к ней после разборок, которые, по словам Келдыша, устроил Борис в Сообществе?

— Попробую. Если только он выйдет на связь. Стефи, а вдруг он тебя укусит?

Стефи нетерпеливо отмахнулась.

— Я ему укушу! Нет, ну это прикольно — иметь знакомого вампира, и молчать себе в тряпочку! Про оборотней вон так трещишь целый день, не переставая!

Трещала, как обычно, сама Стефи; Агата помалкивала, вполуха слушая возмущенно-восхищенную подружку и пролистывая жутковатые литографии и рисунки в книге. Бедный-бедный подопытный сосед! Всю жизнь, из месяца в месяц переживать такие муки превращения, то есть, *перекидывания* — конечно, захочешь от оборотничества избавиться!

— А если оборотень и вампир укусят друг друга одновременно? Кто кого инициирует? Это зависит от глубины или площади укуса? От иммунитета? Или еще от чего-то?

— Научный магический мир спорит об этом уже несколько веков, — важно сообщила Стефи, нехотя берясь за свое «Целительство». — Даже пытались название для такого гибрида придумать… Исследования остановились за недостатком фактического материала.

— Почему?

— А ты попробуй заставить их укусить друг друга! Оно им надо?

Глава 8
Маячки

Бабушка уезжает. Шрюдер нашел какой-то дивный курорт за границей, где лечат как раз после инсульта — но ехать надо сейчас, потому что в разгар лета там будет не протолкнуться.

— Бабушка, а как же… — начала Агата.

— Конечно, плохо, что я уезжаю во время экзаменов, — согласилась бабушка. — Но ты теперь под присмотром, и учителя говорят, что ты практически не отстала, так что все будет хорошо. Справишься и без меня. Да ты даже не заметишь, что меня не было — все равно целыми неделями в интернате — а я буду каждый день звонить. Всего месяц, Агатка!

— Нет, я… — и Агата прикусила язык. Она волновалась вовсе не из-за *экзаменов*.

Лидия вздохнула, явно борясь с собой. И все же сказала — довольно сухо:

— С тобой остается твой куратор.

Агата видела, как ей хочется поехать. Да бабушка все эти годы даже на день не оставляла ее одну — не считая больницы! Наверное, она так устала… И от внучки — тоже. Агата сказала как можно беспечней:

— Конечно, езжай! А Шрюдер тоже едет?

Бабушка покраснела — обычно так вспыхивает сама Агата — отвернулась и стала бормотать, что Генрих как раз закончил передавать дела, да еще столько лет не был в отпуске, а тут как раз подвернулась путевка на двоих, и он решил ее сопроводить…

— Да ладно, баб, — великодушно сказала Агата, — хорошо, что ты там тоже будешь под присмотром!

— И нечего так улыбаться! — одернула ее бабушка. И ушла в другую комнату собирать вещи. Вскоре она уже напевала.

Провожали уезжавших они с Келдышем вдвоем. Бабушка крепко обняла Агату на прощание, забормотала ей в макушку:

— Ох, что-то мне не по себе! Может, остаться, а, Агатка? Ну ее, эту путевку! Съезжу как-нибудь в другой раз…

Так хочется, чтобы она осталась!

— Чешуистая чушь! — буркнула Агата. — Давай лечись и возвращайся поскорее здоровой! Все будет хорошо. За мной Келдыш присмотрит. Да и я себя в обиду не дам.

— Вот этого-то я и боюсь, — пробормотала бабушка — непонятно о чем.

Келдыш со Шрюдером пожали друг другу руки, бабушка окинула Игоря суровым взглядом:

— Ну, смотрите тут у меня…

Келдыш насмешливо поклонился.

— Доброй дороги, Лидия!

Спасибо, хоть не сказал — скатертью дорожка! Агата, томясь, вздохнула: боялась, что перед отъездом они опять поругаются. Бабушка смолчала, еще раз торопливо поцеловала ее и долго потом махала из-за плеча проводницы…

— Ну все, хватит, — сказал Келдыш, и Агата обнаружила, что стоит на пустой платформе. Уехали. Пошел мелкий дождь.

Они брели по перрону. Келдыш смотрел в одну сторону, Агата — в другую, смахивала торопливо слезы. И чего это она? Ведь не насовсем же!

— Вы, наверно, в первый раз расстаетесь?

Агата вздохнула.

— Да.

Келдыш помолчал.

— Завтра снова едете в Институт? Не против, если я поеду с вами?

— Да, да, конечно! — вырвалось у Агаты.

Келдыш резко развернулся и встал перед ней. Спросил требовательно:

— Мортимер, что происходит? Что они там с вами делают?

Агата отвела глаза. Пожала плечами.

— Вроде бы ничего такого страшного… Но я почему-то Осипенко боюсь.

***

Поехали не на институтской, а на келдышевской машине: «Себе я доверяю больше».

— А почему ИМФ так далеко?

— Потому что там сплошные «феномены», как говорит одна наша общая знакомая. Экологически вредные предприятия ведь вынесены за город? Если что, могут пострадать невинные жители. Поэтому защита там на уровне, — Келдыш покосился на нее, — хм, Котла. Надеюсь, вы не собираетесь пробовать на прочность еще и институтскую защиту?

— Ничего я не собираюсь, — пробормотала Агата.

Они поднимались привычным уже путем на второй уровень — ну почему не называть просто, как все люди, *второй этаж*! Агата плелась нога за ногу: всегда оттягивает неприятное на потом, даже уроки по нелюбимым предметам старается делать самыми последними — а что может быть приятного в том, что тебя обследуют? Или исследуют? Да еще и потертая красная ковровая «дорожка», расстеленная в коридоре, извивалась, точно кто-то прошел перед ними, не хуже нее волоча ноги, и сбил ковер вкривь и вкось. Агата пару раз запнулась. Чуть не упав в третий, пробормотала с досадой:

— Да что ж такое сегодня!

Шедший впереди Келдыш оглянулся. Приостановился.

— А, ну да, конечно!

Пол за спиной у Агаты вспучивался и неуклонно надвигался на них — точно под дорожкой полз кто-то большой и опасный. Слабо взвизгнув, Агата уцепилась за рукав Келдыша. Игорь наблюдал за приближением, приподняв бровь. Под его насмешливым взглядом «пол» замедлил движение и нерешительно замер в паре метров от них. Келдыш показал дорожке кулак. Послышалось что-то вроде сдавленного хихиканья и бугор опал. Даже сама дорожка выправилась, легла гладко, ровно, как по линейке.

— Что это было?

Келдыш пожал плечами

— Коридоры… Нам в тринадцатую?

— Здравствуй, Агата… а вы что здесь делаете, Ловец? — влетевшая в лабораторию Нона встала, как вкопанная. Игорь неторопливо отложил журнал, неторопливо поднялся. Улыбнулся.

Любезно.

— Добрый день. Выполняю свои кураторские обязанности.

Осипенко не поздоровалась и не улыбнулась. Смотрела, сузив глаза; ноздри ее шевельнулись, точно она учуяла какой-то неприятный запах.

— И в чем они заключаются?

— Всячески способствовать развитию способностей и личности курируемого, но так, чтобы при этом оному не был нанесен какой-либо физический или моральный вред.

Кажется, это была цитата откуда-то — так заученно гладко все прозвучало. Осипенко передернула плечами.

— Лидия уже присутствовала на прошлых сеансах и сочла мои методы вполне приемлемыми и безопасными!

— Ну а теперь поприсутствую я, — вежливо сказал Келдыш. — Если вы помните, наш новый начальник упомянул, что Мортимер еще несовершеннолетняя, а посему присутствие на испытаниях взрослого лица, представляющего ее интересы, не только желательно, но и скорее обязательно… Есть еще какие-нибудь возражения?

Агата со злорадством увидела, как Осипенко поджала губы — точка. Сказать ей было нечего.

— Да бога ради! — сказала доктор резко, проходя и усаживаясь напротив Агаты. — Сегодня ты просто будешь вспоминать. Садись поудобнее.

— Я уже сижу, — сказала Агата, не меняя позы. Ей не хотелось отваливаться на спинку кресла — уж очень это напоминает сеанс у психотерапевта. А она совершенно здоровая. — А о чем вспоминать?

Осипенко свела пальцы у самого рта.

— Расскажи, как ты управляла магией в Котле.

— Я же вам говорила — я ею не управляла!

— Хорошо-хорошо, тогда просто расскажи, как все было…

— Но я ведь уже сто раз рассказывала!

— Не упрямься, Агата, здесь тебе не детский сад!

Агата вздохнула, закрыла глаза и представила себе несуществующий уже Котел. Непонятное, близкое, странное, страшное и бесконечно-бесконечно печальное…

— …невозможно, — бормотала Осипенко, пальцы ее метались над столом, точно что-то печатали или сплетали какую-то картинку, — но это совершенно невозможно!

Келдыш сидел, подавшись к Агате и подпирая подбородок руками. Тоже слушал, словно зачарованный. Отозвался невнятно:

— И тем не менее…

— Магия — стихия, а не разумное существо. С ней невозможно общаться или о чем-то договариваться.

— Расскажите об этом Агате. Или самой магии.

— Значит, ты ею никак не управляла?

— Я не умею, — сказала Агата. — Управлять. Я вообще никаких команд… то есть заклинаний не знаю. Я просто ее отпустила.

— Безответственно, — сказала Осипенко рассеянно. — Крайне безответственно.

Келдыш поглядел на нее и поднялся.

— Вы закончили на сегодня?

— Да-да, — так же рассеянно отозвалась Осипенко. — До завтра.

— Маркеры снимите.

— Что?

— Снимите с нее маркеры. Не хотите? Сам сниму. Постойте-ка, — он придержал Агату за плечо. Быстро, не прикасаясь, провел ладонью вдоль ее тела; она чувствовала тепло его руки и видела изредка посверкивающие искорки — как от наэлектризованной ткани. Келдыш выпрямился и повернулся к Осипенко. Та глядела на него, поджав губы. — Не думаю, чтобы Констанц давал вам разрешение на круглосуточное наблюдение. И я поставлю в известность правомочного опекуна. До завтра.

До Агаты дошло только в машине.

— Она что, за мной следила?! Постоянно?

— И записывала.

Агата судорожно вспоминала, что делала и говорила в последние дни. Ой, кажется, они со Стефи обсуждали парней… и Келдыша тоже… и много еще чего… девичьего.

Игорь кинул на нее быстрый взгляд:

— Теперь не будет.

— А вы можете научить меня? Ну, разряжать эти… маркеры?

Он помолчал.

— Попробуем, — неожиданно завернул руль вправо, съезжая с дороги на захламленный пустырь за каким-то зданием.

— Что, прямо сейчас?

— Думаю, у вас не так уж много времени. Смотрите, — он протянул ей руки. — На одной сейчас маячок.

— Маячок?

— Маркер, метка. Попробуйте определить, на какой именно.

Агата с подозрением осмотрела его руки — руки как руки. Чистые… Она что, должна просто ткнуть наугад — угадает или нет? Келдыш перевернул их, показывая, как фокусник, пустые ладони.

— Закройте глаза. Попробуйте увидеть их внутренним зрением.

Если оно такое же плохое, как и… наружное, фигушки что она увидит. Агата послушно закрыла глаза.

— Что я делаю? — спросил Игорь.

Она почувствовала тепло, скользнувшее по щеке.

— Вы… ну… — от смущения язык еле шевелился. — Меня гладите. По лицу.

— Даже не дотрагивался, — мягко сказал Келдыш. — Нет, не открывайте глаза, следите за моей ладонью.

Либо то, либо другое… Тепло снова приблизилось — теперь к глазам. Замерло. Веки задрожали от усилия, чтобы не открыться, и Агата вдруг увидела тепло как цвет — желто-красный цвет. Тепло отдалилось, но теперь она за ним уже следила: качнулось, повернулось и… исчезло.

— …сжали руку в кулак, — Агата раскрыла глаза.

Игорь держал кулак перед губами. Кажется, был доволен — ничего у него не поймешь.

— А теперь снова поищите маркер. Даю подсказку — он на *этой* ладони.

Агата взяла его руку и опять закрыла глаза. Вертела головой так и эдак. Ничего не поймешь — цвет, прожилки, пятнышки…

— Попробуем по-другому. Открывайте глаза. Проведите рукой над моей ладонью. Чувствуете тепло? Хорошо. Теперь подальше. Все еще чувствуете? Отлично. Попробуйте — тепло везде одинаково? Не спешите, у вас все получается.

Да, кроме управления своей собственной магией… Агата водила рукой над его ладонью. Тепло, тепло… ай! Агата отдернула руку и почесала ее.

— Что? — спросил Келдыш.

— Вот, кажется, здесь, — ткнула под его безымянным пальцем. — Колется.

— Отлично. А теперь скажите… хотя нет — *вы* можете просто пожелать, чтобы маркер не работал. Вперед. Теперь проверьте. Нет? Дайте я проверю…

— Так, — Келдыш завел машину. — Поехали.

Так — получилось или так — нет? Наклонившись, Агата заглянула ему в лицо. Не отрывая глаз от дороги, Игорь сказал нехотя:

— Теперь таким же образом проверяйте и демаркируйте себя всегда, когда уходите из Института. Да и в течение дня — тоже, на всякий случай. Мало ли кто будет мимо проходить, еще подсадит «жучка».

Агата с недоверием оглядела собственные ладони. Неужели получилось? Прямо сразу получилось?

— А может, вы меня сами учить будете? Видите, все же получилось с первого раза!

Келдыш как-то криво усмехнулся.

— Нет уж. Это чревато.

— Чем… чревато?

— Многим. И вообще, вы за десять минут освоили то, что другие изучают месяцами.

Агата сжала коленками горевшие ладони. Не похоже, чтобы Келдыш этому радовался. Но она же не виновата, что у нее сразу получилось?

— А вы заметили, что Осипенко даже не спросила, куда подевалась ваша бабушка? — спросил Келдыш.

— Ну и что? Бабушка, наверно, ее предупредила.

— Может быть, — согласился Келдыш. — Только уж как-то очень вовремя подвернулась эта путевка…

Агата промолчала. Он намекает на то, что бабушку специально услали подальше? Зачем и кому это нужно? Может, бабушка права, и Келдыш действительно немного… параноик? И потому в любом пустяке ему видится заговор?

Глава 9
Зверинец

— Агата, здравствуй! Я жду тебя сегодня в двенадцать ноль-ноль.

— Здравствуйте. А… кто это?

— Иванов Павел, ректор Академии, — голос мужчины в телефонной трубке стал слегка удивленным. Видимо, все должны были узнавать ректора не то что с полуслова — с полувздоха.

— Здравствуйте, Павел, — еще раз сказала Агата. — А зачем… где вы меня ждете?

Иванов удивился еще больше.

— В академическом зверинце, где же еще? Мы же договаривались с тобой об индивидуальных занятиях.

Ни о чем таком они не договаривались. Агата не думала, что ректор вообще о ней вспомнит.

— Но… — начала Агата. — У меня…

— Экзамены? Ну, это пустяки. Ты все успеешь.

— Ну в смысле… я же еще должна каждый день ездить в ИМФ на исследования.

— К Ноночке?

Агата моргнула: «Ноночка»?!

— Ничего страшного. Я уже с ней договорился, она согласна. Очень уступчивая девочка.

Агате вдруг стало весело: она представила, с каким скрежетом зубовным Осипенко уступает ивановскому бодрому напору, — наверное, вся телефонная трубка обгрызена до проводов. Вот только… в курсе ли ректор того, что вообще произошло после Дня открытых дверей в Академии, а если не в курсе, захочет ли с ней потом работать?

Агата глубоко вздохнула.

— Знаете, Павел, я вообще-то сама ничего не решаю. СКМ, а еще Божевич запретили мне всякую самодеятельность…

— Вздор!

— А?

— Послушай, Агата, дружочек, — сказал ректор энергично, — в жизни не поверю, что кому-то из семьи Мортимер можно хоть что-то запретить.

— Так вы… знаете?

— Да это же очевидно с первой минуты! — с нетерпением заявил Иванов. — Мы слишком много времени теряем на пустые разговоры, ты уже должна быть в пути! Машина ждет у дверей, пропуск Антон тебе выписал. Твоего куратора не приглашаю, животные бояться носителей огненной магии, — те, как правило, охотники. Итак, через час!

«Это очевидно с первой минуты». Наверное, очевидно всем — всем, кто знал родителей или бабушку. Наверное, они смогли обмануть только самих себя и интернатовцев, да и то лишь на время.

Неудачливые конспираторы. Подпольщики.

Казалось, всё сегодня повинуется деловитому и энергичному настрою Иванова: быстрые сборы, быстрый досмотр на воротах, быстрая поездка до знакомого «трилистника». Старшекурсник, дежуривший на дверях в Академию, лишь мельком глянул на пропуск.

— К Павлу? Сумеешь найти зверинец?

Сумела. Только не так быстро как хотелось бы ректору — тот уже в нетерпении подпрыгивал у входа, точно упругий блестящий мячик.

— Ну где же ты?! Я сейчас убегаю на ученый совет, буду в лучшем случае через час. Знаешь, что мы сделаем? Ты дашь животным к себе привыкнуть…

— Можно мне их покормить?

Иванов фыркнул:

— Тогда уж потом сразу и клетки почисти! Просто посиди здесь, отдохни. Послушай.

— Что послушать? — Агата опустилась в указанную кресло-качалку, накрытую старым клетчатым пледом.

— Их, — Павел кивнул подбородком на вольеры. — Не обращай внимания на запах, ты скоро привыкнешь. Просто расслабься. Я скоро!

И мячик упрыгал. Иванов же такой старый — наверное, старее бабушки, откуда в нем столько энергии? И почему все ей предлагают расслабиться? Сначала Осипенко, теперь вот… смотритель зверинца, ректор Академии по совместительству. Она что, такая напряженная? Агата погладила свой лоб — нахмуренный. Разжала челюсти. Попробовала улыбнуться — но уголки губ упорно ползли вниз.

Напротив, в вольере, сидел бурый медведь и, наблюдая за ее гримасами, покачивал головой. Не одобрял, наверное. Агата показала ему язык.

Конечно, лучше здесь, чем в лаборатории Осипенко. «Ты должна научиться контролировать свои перемещения! Ты должна действовать более целеустремленно, представлять все отчетливо, думать и во время сна». Должна, должна, должна… Как, скажите, она может это сделать? Расскажите, покажите, научите! Агата все больше подозревала, что доктор магических наук и сама этого не знает. Может, они и изучают законы сновидений и управление снами, но с такими… перемещениями в сновидениях явно столкнулись в первый раз. И здесь я сплошная уникальность, подумала Агата с легким самодовольством. И тут же себя одернула — а не была бы такой уникальной, сейчас бы ее быстренько обследовали и отпустили на каникулы. Или вообще бы даже изучать не стали.

…Н-ну, а где здесь старая знакомая — леопард? Кажется, налево. Здравствуй, киса, здравствуй, красавица, ох, какой же у тебя мех! Агата, не раздумывая, толкнула щеколду, входя в вольеру громадной кошки.

Там их и обнаружил вернувшийся ректор: Агата сидела, гладя развалившегося леопарда по груди, и серьезно рассказывала, какой он красивый и великолепный. Леопард верил, потому что нежился и громко мурчал. Иванов некоторое время полюбовался этой картиной, потом сказал вполголоса:

— Ну, вижу, девочки, вы уже спелись…

Агата подпрыгнула, а леопард так и остался валяться на спине, только взглянул на Иванова полузакрытыми довольными глазами и сложил на груди лапы. Агата виновато выбрела из вольеры.

— Извините, я, наверное, не должна была…

— Не должна была, — серьезно кивнул ректор. — Но раз дело сделано, говорить об этом поздно. Ничего страшного. А теперь вернемся к учебному месту.

Они уселись на «учебное место»: ректор — на качалку, Агата — на стул рядом. Некоторое время молча рассматривали животных. Те молча рассматривали их.

— Кто из них тебе не нравится? — неожиданно спросил Иванов.

— Крокодил, — ответила Агата, не задумываясь.

— Почему?

Агата поразмышляла.

— Наверное, потому что я его совсем не понимаю. Лежит — бревно-бревном, только глаза иногда открывает.

— А остальных? Понимаешь?

— Ну хорошо… я его не… чувствую. Совершенно.

Кивок.

— Уже ближе. Знаешь, в чем секрет блестящих дрессировщиков? Да, на некотором уровне они эмпаты и хорошо, как ты говоришь, *чувствуют* животных. А еще в чем? Не знаешь? Плохие дрессировщики знают только одно — что *им* нужно от животного. Но не знают, что нужно самому объекту дрессировки. Кроме самого элементарного, понятно: поесть, попить и спариться… Вот когда ты поймешь, услышишь, почувствуешь, чего хочет животное, тогда мы продолжим обучение дальше. Посиди, расслабься. Послушай. Не услышишь сегодня — услышишь в другой раз. Или в следующий.

«Плохие дрессировщики знают только одно — что им нужно от животного. Но никогда не знают, что нужно самому объекту дрессировки». А только ли о *зверях* сейчас говорится? Агата глянула настороженно; ректор с безмятежным лицом откинулся на спинку кресла. По его губам бродила легкая улыбка: то появлялась, то таяла. Маленький, круглый, лысый, Иванов напоминал сейчас умиротворенного Будду. Казалось, он слушает не только животных, но и ее мысли тоже.

Оставалось только последовать его примеру. Агата прикрыла глаза. Мерное поскрипывание ректоровской качалки. Фырканье зверей, стукоток копыт. Короткое взлаивание. Но как же хорошо, что хоть здесь от нее ничего не требуют! Агата слабо улыбнулась.

Ректор провожал ее до самого выхода. Агата все посматривала на него, но Иванов и виду не подал, что недоволен сегодняшним «уроком». На ходу показывал то одно, то другое, подробно объясняя, где что находится: «запоминай, чтобы не плутать, когда поступишь в Академию». Прощаясь, Агата все же попыталась извиниться, что у нее ничего не получилось, но ректор прервал ее:

— Все отлично, Агаточка, ты даже себе не представляешь, до какой степени отлично! До встречи через неделю! — и ускакал, напевая на ходу и попутно раздавая указания всем преподавателям, имевшим неосторожность попасться ему на пути.

Агата, моргая, смотрела ему вслед: вот бы Осипенко каждый раз ее хвалила — ни за что, просто так — да она бы тогда в ИМФ просто на крыльях летела!

Глава 10
Контроль и еще раз контроль

Когда Агата рассказала про секретный выход из интерната, друзья страшно возмутились: как это секрет, известный *всем*?! А они почему не знают?!

Впятером пошли осматривать место. Агата не очень уверенно выбрала прут: кажется, этот, да, третий от угла… Штурм-компания тут же разложила на траве книги и конспекты и принялась методично применять все выученные и не очень заклинания (а наивные-то воспитатели радуются, наверное, что интернатовцы даже в парк ходят с учебниками!) Больше всего надежд возлагалось на Люси — как-никак, а с решеткой, содержащей элемент ее стихии, «металяшка» всяко договорится! Но единственное, чего та добилась — цвет прута сменился с черного на серый. Зигфрид авторитетно заявил, что поменялась атомная структура материала: вместо чугуна получилась сталь. На него посмотрели с сомнением, но спорить не стали.

За дело взялся Карл. Следующими на очереди и наготове стояли Стефи с Зигфридом. Стефка так заинтересованно наблюдала за штурмом и давала столько советов, что было ясно — уже запланировала улизнуть через тайный выход на какое-нибудь свидание.

Карл убрал со лба взмокшие от пота волосы и, передавая эстафету Зигфриду, картинно отвалился от ограды на траву. Взгляд его упал на Агату.

— Слушай, а ты чего не пробуешь?

— Да!

— Давай, Агат, ну чё ты мнешься?

— Да я не… В смысле, я не знаю, как… И вообще, у меня магия… — Агата неопределенно покрутила рукой, изображая свою неверную магию. — Ну нет ее сейчас!

— Сейчас нет, а через секунду — р-раз — и будет! — Гауф на корточках переместился в сторону. — Давай-давай!

А вдруг и правда получится, ведь при снятии «маячков» она тоже не ощущала своей магии! Под взглядами друзей Агата взялась обеими руками за упрямый прут. Подергала. Закрыла глаза. Ладно, все равно неизвестно, что делать и что говорить. Как тогда сказал Келдыш: «*вы* можете просто пожелать». Вот и желаю, чтобы выход сейчас открылся! Агата представила, как металлический стержень поддается, вынимается, и всем своим немалым весом ложится на ее ладони… Она даже почувствовала это!

Открыла глаза и с досадой убедилась, что в действительности ничего такого не произошло: она просто изо всех сил вцепилась в прут, буквально повиснув на ограде. Четверка наблюдала за ней, раскрыв рты. Агата разжала занемевшие пальцы и отряхнула ладони; на них отпечатался узор рифленой решетки.

— Ну вот, видите? — сказала хмуро.

— Теперь моя очередь! — жизнерадостно заявил Зигфрид, подпрыгивая на корточках, словно гигантская лягушка.

А Агата вдруг резко устала. Понаблюдала еще за укрощением ограды, поняла, что это всерьез и надолго, потому что друзья сдаваться не собирались.

Ограда — тоже.

— Ладно, я пошла…

— Ага, — сказал Карл рассеянно. — Если увидишь воспитателей, свисти!

Агата для пробы свистнула — получилось тихо, и не свист вообще, а какое-то шипение. Надо потренироваться. Ушла на свою любимую скамью посреди кустов сирени — там у нее уже были разложены учебники… ну и другие книги. Сейчас вот она посмотрит вот эту… и картинки вот в этой… а потом — сразу за ин-яз.

Через час Агата подняла глаза, и с ее колен посыпались книги.

По интернатскому парку шел Келдыш. Шел неспешно, поглядывая по сторонам, чуть ли не любуясь демонстративно раннелетними цветами. Но Агата нисколько не сомневалась, что он давно разглядел ее за цветущими кустами сирени. Спохватившись, она нагнулась, а потом и вовсе присела на корточки, собирая разлетевшиеся учебники. Вскоре в поле зрения появились черные туфли, и Келдыш наклонился, помогая ей.

Не забыв при этом, конечно, заметить:

— Я так понимаю, это что-то вроде вашего традиционного приветствия: «Здравствуйте, Игорь, рада вас видеть?» Так рада, так рада, что постоянно либо сама пытается рухнуть в обморок, либо роняет все, что в руках имеется… Мортимер, вы ко мне явно неравнодушны!

Интересно, а как Келдыш отреагирует, если она скажет: «Да, конечно, неравнодушна»? Агата понадеялась, что он спишет ее пылающие щеки на то, что ей пришлось наклониться за улетевшим под скамью томиком. Выпрямившись, Агата увидела, что Келдыш листает поднятую книгу.

— А разве у вас следующий экзамен не иностранный?

— Иностранный…

Игорь подобрал выпавший из книги и спланировавший на скамейку старый фотоснимок. Взглянул, и рот его крепко сжался — Агата знала, *кого* он там увидел. На фоне лабораторного оборудования были сняты два бывших сотрудника бывшего Института экспериментальной магии: Марина Мортимер и Петр Стеблов. Келдыш внимательно рассмотрел фото и отдал Агате. На удивление, безо всяких комментариев.

Быстро проглядывал остальные книги, Агата читала названия вслед за ним. История магических учений. Жизнеописание кудесника Саавы Тишайшего. Институт Экспериментальной магии и его виднейшие представители. Легенды Магии. Воплощение Стихий…

По мере просмотра Игорь складывал книги на скамью — получилась аккуратная внушительная башенка. Поглядел на Агату с любопытством:

— Самообразовываетесь?

— Ну… да. Еще Осипенко дала список литературы, которую мне нужно прочитать.

— Ах, Осипе-енко!

Игорь указал ей на скамью — то ли приглашая садиться, то ли по старой учительской привычке разрешая. Сам уселся очень вольготно, раскинув руки по спинке скамьи. Агата присела бочком рядом. Сложила руки на коленях; представила, что выглядит как примерная первоклассница, и нервно схватив верхний томик из стопки, начала его перелистывать. Не глядя.

— Что, на природе лучше учится?

— Ну да, на свежем воздухе…

— Помнится, мне в вашем возрасте на свежем воздухе хотелось чего угодно, только не учиться, — лениво заметил Келдыш.

Агата вздохнула. Ладно, издавать тревожный сигнал не будем: четверку, штурмующую ограду, отсюда не видно. Да и не услышат они ее так называемый свист.

— Понимаете, Стефи готовится к экзаменам по основам магии прямо в комнате…

— И?

— Ну, она иногда злится или забывается…

— И-и-и? — с большим интересом спросил Игорь.

— Полная комната бабочек — вовсе не так плохо, даже красиво! А вчера возник нетопырь. Пока Стефи его… ликвидировала, он выдрал мне целый клок волос.

Игорь рассмеялся.

— Вы смеетесь, а мне было больно!

— Я и забыл, какое же веселое время экзамены! — Келдыш отобрал у Агаты книжку и потряс перед ее лицом. — Так для чего все это нашей ДэМээН нужно?

Как-то незаметно у Осипенко появилась кличка: ДМН, доктор магических наук.

— Когда я в первый раз вылетела на Агнуса, у нее возникла идея… То есть, когда Агнус мне приснился…

— Первое определение более удачно, — задумчиво произнес Келдыш. — «Вылететь на» — очень точное описание. Наверняка бедолага был поражен и испуган: работает себе мирно в своей вечной лаборатории, и тут через его нерушимую и непроницаемую Арку влетает девица в штанах… — он покачал головой. — У меня бы точно случился инфаркт.

— У вас?!

Келдыш глянул с оскорбленным достоинством.

— Вы просто не подозреваете, с какой тонко и остро чувствующей натурой имеете дело!

Агата засмеялась и села поудобнее.

— Вот так-то лучше, а то мне частенько кажется, что мое присутствие вас просто парализует — словно я Медуза Горгона во плоти, — заметил Келдыш. — Хотя зря вы, конечно, не верите в мою тонкую душевную организацию… Итак, после того, как вы вылетели на Агнуса, Осипенко решила — что?

— Она думает, что с моей помощью сможет посещать различные старинные институты, увидеть знаменитых магов…

— …заглядывать им через плечо в то время, как они творят волшебство, — продолжил Келдыш, — и подтверждать или опровергать всяческие теории и легенды. Надеясь, что осведомленность или увлеченность отправят вас куда следует, она подсовывает биографии волшебников, историю знаменитых магических школ и институтов…

…и еще снимок, на котором Агата впервые увидела своих родителей. Вернее, свою маму.

— Отличная задумка! Жаль, что, скорее всего, неосуществимая.

— Да? — огорчилась Агата. — Значит, у меня это не получится?

— *У них* это не получится, — поправил Келдыш. — Они будут снова и снова пытаться управлять вами, командовать, но в самом лучшем случае им удастся бежать по вашим следам, собирая крохи того, что вы оброните от щедрот своих…

Агата подумала, он снова шутит, но нет — Игорь сидел, задумчиво глядя перед собой, словно читал будущее в запутанном узоре металлической ограды интерната. Между прочим, Агате уже не в первый раз казалось, что в узор вписаны какие-то буквы… руны? Но едва она начинала приглядываться, пытаясь разобрать слова, как те вновь разваливались на невинные украшательские завитушки.

— Я заметил, что вы набрали больше всего книг по истории Института Экспериментальной Магии, — сказал Игорь, не меняя интонации. — Тоже по рекомендации Осипенко или это ваша личная инициатива?

— Я… Моя.

Келдыш помолчал.

— Мортимер, вы должны быть готовы к неудаче. Один шанс из… не знаю скольки нулей, что вы сумеете попасть в прошлое ИнЭМа и уж тем более — что увидите там свою мать.

— Но он все-таки существует? — мрачно спросила Агата. — Этот шанс?

— В вашем случае шанс присутствует всегда.

— Правда?

— Не заставляйте меня вас расхваливать. Это непедагогично.

Келдыш отломил веточку сирени, покрутил ее в руках.

— Мы во время экзаменов выискивали и жевали цветок в пять лепестков — чтобы уж наверняка получить «отлично»…

— Я, наверное, их уже целый килограмм съела! — с чувством сказала Агата. Неужели и Келдыш когда-либо в жизни испытывал неуверенность, нуждался в таких вот… эфемерных подпорках?

— Вижу, традиции блюдутся. А вас еще не пытались отвести на чердак?

— Н-нет… Но намекали. Это тоже традиция? А что там, на чердаке?

Келдыш пожал плечами.

— Ничего особенного. Темно. Много старых вещей, — покосился на нее и поправился: — То есть для тех, кто владеет магией, там нет ничего такого страшного.

— А для тех, кто не владеет? — послушно среагировала Агата.

— Ну мало ли… — туманно проинформировал Игорь. Явно подзуживая. Слегка улыбнулся на подозрительный Агатин взгляд. — На территории интерната опасности дозированы оптимально; мы в свое время опробовали *все*, уверяю вас. Для вашей закалки — самое то. На самом деле чердак напоминает имээфэвские коридоры: те же издержки магии, забавно, иногда даже страшновато, но не слишком опасно. Так что можете прогуляться на чердак, хотя лучше и веселее все-таки в опытной компании.

— А разве куратор не должен ограждать меня от всех мыслимых и немыслимых опасностей? — подколола его Агата.

Келдыш помолчал и сказал — теперь вполне серьезно:

— Мне уже не раз говорили, что куратор я «аховый». Но, кажется, я решил для себя, что должен делать куратор… да и, наверное, любой родитель тоже. Направлять, подсказывать, поддерживать — и научиться вовремя отпускать. Даже если сам ты трясешься от страха за своего подопечного, это не значит, что ему обязательно угрожает что-то смертельно опасное.

«Трясешься от страха за своего подопечного»... Келдыш действительно *так* за нее боится?! Хотя, конечно, он часто все преувеличивает, но это… приятно. Если не сказать больше. Чтобы и правда не сказать, Агата спросила поспешно:

— А мы… в смысле, вы будете меня еще чему-нибудь обучать?

— Думаю над этим. Но здесь не получится, — Келдыш огляделся. — На территории интерната всплески сильной магии гасятся моментально. Стоят ограничители, сами понимаете — против выбросов подростковой магии. Да еще и вашей, к тому же…

Можно обучаться и *вне* интерната. Но это Агата предложить постеснялась.

— Ну можно чему-нибудь такому… мелкому. Полезному.

— Полезному? — Келдыш слегка улыбнулся. — Если, например, как парней привораживать, пусть лучше вам ваша подружка расскажет. Она в этом вопросе большой специалист, насколько я понимаю.

Намекает на злосчастный талисман, который ей как-то подсунула Стефи? Но это же Стефи, она сама не хотела… Не хотела? Ну, в смысле, не собиралась ничего такого делать.

— Я подумаю, что вам больше всего в данный момент может пригодиться. — Келдыш неожиданно поднялся и вручил ей отломанную веточку сирени. — Значит, ДМН изменила планы и тактику исследований. Ну что ж, может, это и к лучшему… Мортимер, я буду иногда бывать у вас вот так — набегами между дежурствами. Должен же вас хоть кто-то контролировать в отсутствие вашей бабушки.

Да хоть каждый день! И даже несколько раз в день… Агата быстро-быстро закивала, хоть ее царапнуло слово «контроль». Но пусть приходит — хоть и по обязанности.

— Ну и отлично. До встречи.

Келдыш сделал шаг и обернулся:

— И передайте своим друзьям, что они не учли основополагающего фактора — выход открывается только в ночь полнолуния. Хотя лучше пока не говорите: заодно и материал перед экзаменами повторят.

Глава 11
Коридоры шутят

Пустыня. Так… спокойно. Никого. Агата соскользнула с бархана. Небо — низко, просто протяни руку и коснись…

Крупно вздрогнув, она распахнула глаза. Возле ванны стоял какой-то старик и, недовольно качая головой, постукивал скрюченным указательным пальцем по песочным часам. Песок из них давно высыпался. Агата попыталась подняться, но обнаружила, что прикована по рукам и ногам. Перепугавшись, рванулась — спросонья не сообразила, что это не цепи и не веревки, а просто туго стянувшие запястья и лодыжки ленты датчиков. Старик перевернул часы и, не взглянув на нее, бесшумно удалился. Серая мантия волочилась за ним по мокрому полу. Агата осталась лежать в остывающей воде, глядя на тусклую мигающе-потрескивающую лампочку. Где-то капала вода, и эхо от капель гулко разносилось по всему зданию. Казалось, во всем Институте — никого. Может, про нее просто забыли и ушли домой?

...ДМН внезапно решила, что ее подопытная крыска слишком долго расслабляется (тратя при этом драгоценное лабораторное время и отведенный для исследований час), и предложила для ускорения засыпания использовать теплую ванну со всяческими успокаивающими добавками. Ванна располагалась в заброшенном крыле института: говорят, раньше здесь была экспериментальная лечебница. Интересно, какими же «экспериментами» тут лечили? И могли бы вылечить, например, Димитрова? Или потеря магии болезнью не считается? Скорее, это что-то типа… ампутации?

Приближающиеся, громкие, отдающиеся эхом, шаги. Осталось только закрыть глаза и представить себе ожившую статую Командора. Вот она со скрипом распахивает дверь…

— Заждалась? — Нона деловито отстегивала Агатины «наручники». — Очень интересные показатели… Что тебе снилось?

— Пустыня.

Нона выдернула пробку из ванны. Переспросила невнимательно:

— Что? — Она озадаченно смотрела на сыпавшиеся песочные часы. Вскинула руку со своими золотыми часиками. — Ничего не понимаю…

Вытиравшаяся Агата пояснила:

— Тут приходил какой-то старик и перевернул часы снова.

Нона нахмурилась.

— Какой старик?

— Ну какой-какой… старый, в серой мантии. С бородой. Пришел и перевернул, — объясняла Агата, все больше смущаясь под недоверчивым взглядом Ноны.

— Не выдумывай! Ты сама вставала?

— Как? — Агата показала на валявшиеся «кандалы».

— Значит, у тебя получилось повернуть их усилием воли?

— Чешуистая чушь! — не выдержала Агата. — Даже если б и смогла, зачем мне нужно часы переворачивать? Я жду-не дождусь, когда вы меня домой отпустите.

— Ничего не понимаю, — раздраженно бормотала Нона. — Старик какой-то… Он хоть что-то сказал?

— Нет. Перевернул и ушел. Может, у вас какой-нибудь сторож-пенсионер есть? — предположила Агата. Под недоверчивым взглядом Осипенко ей все больше казалось, что чушь-то как раз говорит она сама. Сторож в мантии старинной с бородой седой и длинной… А может, у него стиль такой.

— Куда он ушел?

Агата показала, Нона заглянула за покрытую потрескавшимся кафелем стенку.

— Там же тупик!

Оставалось только пожать плечами. Не приснился же он ей, в конце-то концов! Или приснился? Но кто тогда перевернул часы?

— Хотя… — Нона задумчиво похлопывала ладонью по стене. — Разве что наложение феноменов… остаточное излучение…

Агата навострила уши.

— Радиоактивное?

— До завтра, Агата.

— Но завтра же суббота!

— Наука не приемлет выходных.

Агата не сдвинулась с места.

— А я очень даже приемлю. Завтра выходной. Так что машину можете не присылать, я все равно никуда не поеду. И в воскресенье тоже.

— Ох, иди! — раздраженно отмахнулась Нона.

— До свидания.

Агата шла по широкому длинному коридору и, настороженно оглядываясь, потихоньку ускоряла шаг. Уж лучше бы она подождала Осипенко!

Теперь ей приходится пересекать это заброшенное крыло два раза в день и всегда становится страшно — и не только из-за дурной славы имээфовских коридоров. Сама атмосфера! Голые стены с облупившейся краской; спутанные плети провисшей проводки; редкие мигающие пыльные светильники. Из-за запертых дверей старых лабораторий доносятся какие-то шорохи и даже чье-то бормотание.

А еще по пустым длинным коридорам вольно гуляет гулкое, сложное эхо. Хотя Агата старается ступать бесшумно, эхо все равно повторяет ее шаги, уносится вперед, запускает по пролетам пыльных лестниц, ведущих в темноту вверх и вниз, и коварно выплескивается навстречу — кажется, кто-то вот-вот выйдет из-за угла…

Или кто-то постоянно крадется следом.

Только ступив на знакомую красную дорожку, Агата, наконец, с облегчением вздохнула и замедлила шаг. Побрела, со скукой разглядывала пол, и не сразу заметила, как начал тускнеть свет.

Подняла голову: вместо длинных ртутных плафонов с потолка свисали желтые лампы-«груши» на скрученных длинных шнурах. Заменили за день, что ли? Между прочим, в Институте *Магических* Феноменов могли бы использовать не банальное электричество, а какой-нибудь иной способ освещения. Волшебный. Звездный свет, например, или светлячков… ага, или лесных гнилушек… ну и убогая же у нее фантазия!

Нет, кажется, она все-таки не туда идет.

Стены коридора, уже не обшитые пластиком, были сложены из каменных блоков с выкрошившимся из швов раствором. Электрические лампы исчезли, свет впереди колебался, как будто… Агата прищурилась; да, точно! Это же свечи, вставленные в висящие на стене подсвечники! Оказывается, и у магов бывают перебои с электричеством! У них дома в Светлогорске всегда лежали свечки на случай аварии на подстанции…

Свечи были толстыми, белыми; на металлических чашечках подсвечников и на кладке стены виднелись застывшие восковые слезы. Агата оглянулась — коридор за ее спиной изогнулся (хотя она была готова поклясться, что он только что был совершенно прямым), и свет электрических ламп из-за поворота сюда не проникал. Кстати, и дверей на пути что-то давненько не попадалось… Впору уже кричать: «Ау-у, люди! Ну кто так строит?!» Надо пройти еще чуть-чуть. Должен же этот коридор где-то кончиться, куда-то привести?

…Ну, если он куда и ведет, то наверняка на другую сторону земного шара! Стены становились все древнее, свечи сменили сильно коптящие факелы. Когда Агата в очередной раз приостановилась, пламя ближайшего факела начало потрескивать и мигать — вот-вот погаснет. Да еще и в лицо потянуло холодным ветром, как будто где-то открыли дверь в огромный ледник.

Пожалуй, пора уже поворачивать обратно. Конечно, она бы с удовольствием прогулялась еще по этим… *готическим* коридорам, но только не одна, а в компании боевого мага. Келдыша, например. Или даже Бориса. Хотя, если подумать, здесь вампирам самое место. То есть, привычная по фильмам и книгам среда их обитания.

Как тут, кстати, с этим делом? С вампирами, имеется в виду? С э-э-э… не цивилизованными?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.